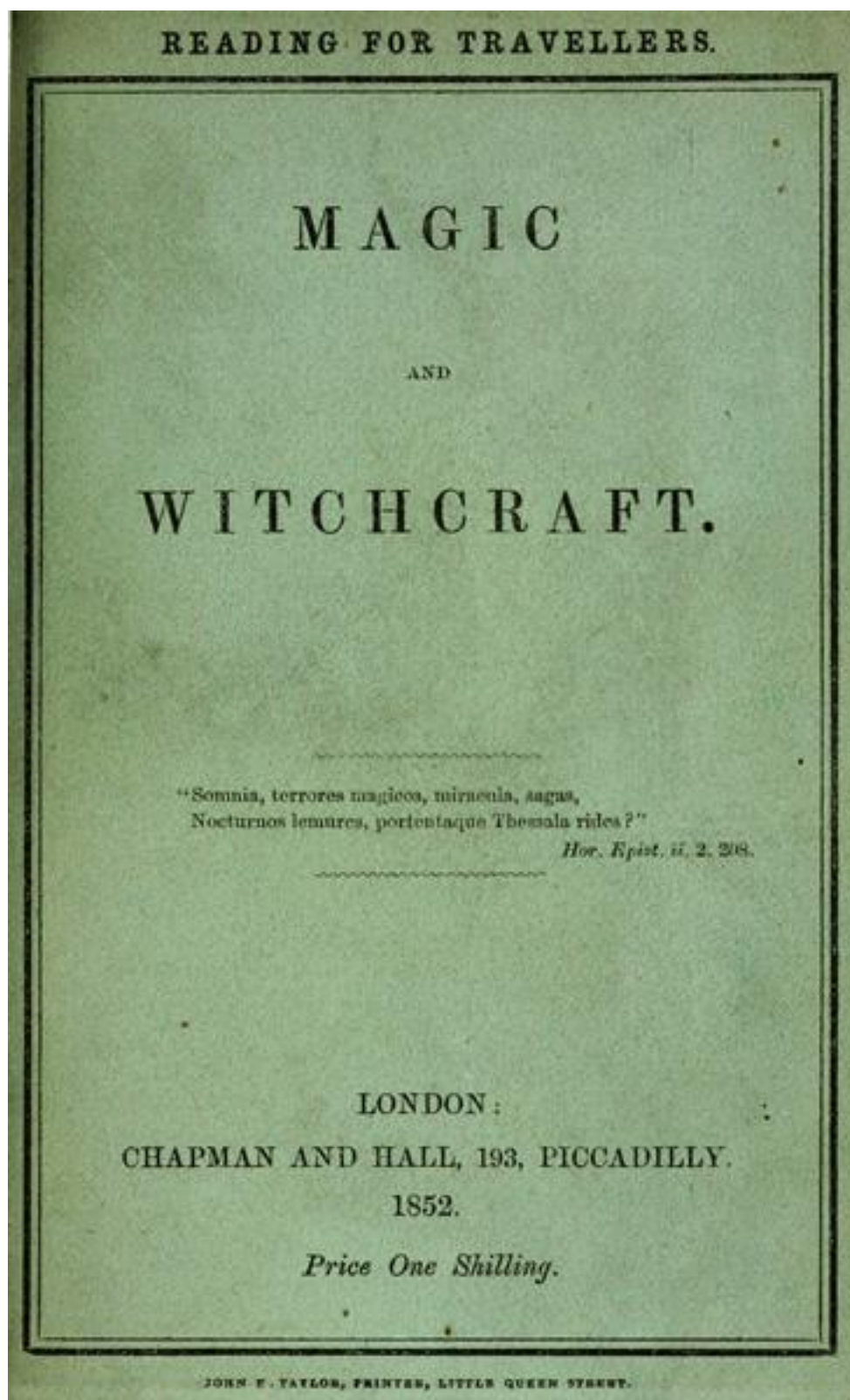

Магия и колдовство

Джордж Мойр

The Project Gutenberg eBook of Magic and Witchcraft

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Магия и колдовство

Автор: Джордж Мойр

Дата выхода: 16 апреля 2013 [eBook #42550]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MAGIC AND WITCHCRAFT ***

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО.

Чтение для путешественников.

ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАНО,

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДОРОГИ.

ЦЕНА ОДИН ШИЛЛИНГ.

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ПРЕССЫ.

Газета "Дейли Ньюс".

"Знания и развлечения очень удачно сочетаются друг с другом, и читатель, который по окончании путешествия познакомится с историей дорог, также обнаружит, что его доступный фонд анекдотов пополнился".

The Literary Gazette.

"В книге чуть больше ста страниц, и ее можно прочитать во время поездки на скоростном поезде между Лондоном и Брайтоном; но каждая страница настолько увлекательна, что умный и изобретательный читатель не дойдет до конца, пока книга не побывает в его руках много часов".

The Economist.

"Это приятная книга, несколько причудливая, особенно предисловие, но полная забавного и поучительного чтения".

The Atlas.

"Если другие тома этой серии не уступают данному по интересности и ценности, мы думаем, что можем с уверенностью предсказать очень широкую популярность этого предприятия..... Автор собрал из всевозможных любопытных и необычных источников материалы для своей книги, и она читается как одно из "Эссе" старого Монтеня".

The Leader.

"Очаровательный том любопытных и эрудированных сплетен, которые могли бы увлечь Чарльза Лэмба своим тонким ученым тоном и дискурсивным богатством. Если и другие тома будут соответствовать этому уровню, серия станет лучшей из многих, которые сейчас делают литературу роскошью бедняков."

The Gardeners' Chronicle.

"Именно та книга, которая предназначена для развлечения образованного человека. Живая и познавательная, поэтическая и практическая. Эта книга для ученого, утомленного мусором, как бутылка богатого венгерского вина для человека, который был обречен на тонкое питье Франции и Рейнгау."

The Gateshead Observer.

"*Old Roads and New Roads.* - (Chapman and Hall, London.) No. I. of 'Reading for Travellers'. Первоклассный небольшой том, напечатанный крупным шрифтом, и как раз то, что нужно для поездки по железной дороге. Издатели поступили мудро, призвав на помощь ученого и писателя высочайшего класса."

The Leicestershire Mercury.

"Господа Чепмен и Холл вновь занялись железнодорожной литературой и очень удачно начали свою серию "Чтение для путешественников" с наглядного исторического очерка *"Старые и новые дороги"*. Книга одновременно научна и популярна по стилю и содержанию, но при этом лишена малейшего оттенка педантизма или жеманства. Повествование отнюдь не сводится к сухой записи фактов и дат. Оно обильно разнообразно и дополнено иллюстративными анекдотами и яркими наблюдениями - философия и приятность в сочетании с подлинной эрудицией делают эту книгу одной из самых полезных и занимательных среди всех томов железнодорожного чтения, с которыми нам приходилось встречаться."

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО.

"Somnia, terrores magicos, miracula, sagas, Nocturnos lemures, partentaque Thessala rides?"
Hor. Epist. ii. 2. 208.

ЛОНДОН:
CHAPMAN AND HALL, 193, PICCADILLY.

1852.

НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ ЭДВАРДОМ ТЕЙЛОРОМ, ЛИТЛ КУИН СТРИТ,
ЛИНКОЛЬНЗ ИНН ФИЛДС.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мы давно мечтали, чтобы какой-нибудь английский или зарубежный университет предложил премию за историю магии и колдовства. В летописи человеческих мнений найдется немного глав более поучительных, чем та, в которой компетентно рассматривается черное искусство. Ведь какими бы грубыми и болезненными ни были подробности суеверий, все же суеверие, по самой своей этимологии, подразумевает догму или систему практики, стоящую на каком-

то основании факта или истины: и какой бы тщетной или вредной ни была надстройка, ее фундамент так или иначе связан с теми глубокими истинами, на которых покоятся корни философии и религии.

Ибо великая ошибка, а только такая может в любой момент существенно повлиять на мнение человечества в целом, всегда является имитацией или карикатурой на какую-то великую истину. Из одной почвы первоначально вырастает дерево, приносящее хорошие плоды, и растение, которое выделяет смертельный яд. Само распознавание причин заблуждения - это шаг к открытию его противоположности. Заблуждения человеческого разума, если их полностью проанализировать, дают ключ к разгадке его движения по правильному пути или, по крайней мере, позволяют обнаружить точку, с которой началось изначальное разделение между Истиной и Ошибкой. Алхимия не очень сложным путем привела к науке химии; принятие ложных богов большинством человечества сделало необходимыми диспенсации иудейской и христианской схем; а развращение истинного благоговения перед Добром, Прекрасным и Святым стало родителем тех искусств, которые под разными названиями "Магия", "Колдовство", "Колдовство" и т. д. привлекли своих профессоров сначала и множество людей потом к вере в зло, уродство и нечистоту. Магия и колдовство - это не более чем религиозные инстинкты человечества, сначала извращенные, затем загрязненные и, наконец, как и всякая испорченная материя, пропитанные зародышами порочной жизненной силы.

Вера в духовные влияния, и особенно в их пагубное воздействие, настолько универсальна, что ни одна раса людей, ни один период времени, ни один регион земного шара не были свободны от нее. Она встречается нам в далекой древности азиатской жизни, в сравнительно недавнем варварстве американских аборигенов, в верованиях всех народов, ответвившихся тысячи лет назад на восток и запад от своей кавказской колыбели, в мифах, обрядах и диалектах народов, не имеющих друг с другом ничего общего, кроме простого облика человека.

Ни один народ не может упрекнуть другой народ в пристрастии к магии, не осудив в равной степени себя. Все разновидности человечества в этом отношении ошибались одинаково в разные периоды своего социального существования, и все они, соответственно, подпадают под одно и то же осуждение за создание и любовь ко лжи. Халдей ошибся, когда, не удовлетворившись простым наблюдением за небесными телами через светящуюся атмосферу своих равнин, извратил астрономию в астрологию: египтянин ошибся, когда представил вездесущность Божества повсеместным поклонением животным: индус ошибся, когда, задумав идею воплощения, облек плотью и плотскими атрибутами членов своего чудовищного пантеона: Кельты и тевтоны ошиблись, когда в своих тихих и уединенных лесах запятнали безмятежность природы обожествленными атрибутами войны; а более оседлые и цивилизованные расы, строившие и населявшие города древнего мира, ошиблись, превратив неделимое единство Демиургоса или Творца мира в антропоморфную систему из нескольких богов. Но сама универсальность ошибки указывает на некую общую почву для нее в глубинах человеческого сердца; а поскольку язычество во всех его формах было развращением религии, а колдовство, в свою очередь, развращением язычества, то исследование семян этого злого плода не может не быть в какой-то мере исследованием самой "инкунабулы" человеческих ошибок.

Мы изложили или попытались изложить реальный объем и размеры предмета магии и колдовства - однако не с целью изложить его в таком небольшом объеме, как настоящий. На последующих страницах мы предлагаем лишь несколько замечаний о теориях или способах верования, которые в отдаленные или более близкие эпохи повлияли на вероучение и

поведение человечества. Эта тема *in extenso* относится к более объемным томам, а также к более зрелым знаниям и размышлениям.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страница
Легендарный Люцифер	3
Источники суеверий	9
Монашеские суеверия	11
Казни за колдовство	17
Самообманы	19
Спектральные иллюзии	25
Совпадения в доказательствах	29
Швеция. Блокула	31
Delusions	33
Признания	35
Реформация	37
Преследования в Германии	39
Преследования в Венгрии	41
Эдикт Людовика XIV.	43
Преследование в Англии	45
Шотландские суеверия	49
Судебные процессы в Шотландии	55
Замечательные испытания	57
Дело леди Фаулис	59
Джеймс Первый	65
Пытки	67
Конвенция ведьм	69
Доктор Фиан	71
Эуфемия Макалзеан	73
Карл Первый	75
Пуритане	77
Реставрация	79
Изобель Гоуди	81
Развлечения ведьм	83
Анекдоты о ведьмах	85

Суеверный энтузиазм	87
Языческое колдовство	91
Лукиан и Апулей	93
Жена пекаря	95
Государственная измена	97
Поздние языческие суеверия	99

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО.

В 1826 году в Майнце появилась забавная работа, вышедшая из-под пера "герра Кирхенрата" Хорста, название которой в переводе на *русский язык* звучит так: "Магическая библиотека, или Магия, теургия и некромантия; маги, ведьмы и процессы над ведьмами, демоны, привидения и спектральные явления. Г. К. Хорст, церковный советник великого герцога Гессенского". Следующие страницы составили рецензию на эту работу, появившуюся много лет назад[1].

Эта книга достойного церковного советника довольно необычна: это не история магии, а своего рода духовное периодическое издание, или журнал инфернальной науки, поддерживаемый в значительной степени за счет пожертвований от людей призрачного склада ума, которые, хотя и пытаются иногда писать в саддукейском духе, в душе многие из них полуверующие, и не стали бы ходить ночью по церковному двору, разве что за вознаграждение большее, чем мы бы хотели заплатить. Поле, по которому он путешествует, слишком обширно, чтобы мы могли попытаться проследить за автором по всем его сложным подразделениям. Данте разделил ад, как и Германию, на круги; и мистер Хорст, приняв нечто похожее, разделил территорию Принца воздуха на множество регулярных делений, с помощью которых все его ориентиры и расстояния становятся достаточно понятными для использования в школах для младенцев. Однако в настоящее время мы можем позволить себе заглянуть лишь в одну из провинций Преисподней, хотя для тех, кто склонен совершить большое путешествие, Советник может быть взят в качестве умного попутчика, хорошо знакомого с дорогой. На самом деле его работа настолько методична и четка, а география адских регионов настолько ясно изложена, согласно лучшим авторитетам, от Ямблиха и Порфирия до Гланвила и аббата Фьяра, что весь этот район теперь известен примерно так же хорошо, как русло Нигера; и путешественник должен быть сам виноват, если он не найдет свой выход из Авернуса таким же легким, каким был его вход со времен Вергилия, о котором ходят легенды.

Однако картина, нарисованная этими умными духовными путешественниками, ни в коем случае не должна произвести на нас впечатление высокого представления о владениях Князя Воздуха или о том, что *персонал* его величества или его правительства очень привлекателен. Климат, как соглашаются все, начиная с Фауста, угнетающе жаркий, а лицо страны, очевидно, очень похоже на то, что находится между Бирмингемом и

Вулверхэмптоном, изобилуя печами и угольными ямами. Литература, очевидно, находится на низком уровне, судя по тем немногим образцам сочинений, которые нам предлагает "Заубер-библиотека", а науками, за исключением некоторых практических применений химии, позорно пренебрегают. Правительство кажется деспотичным, но периодически подвергается взрывам со стороны более влиятельных духов, участвующих в исполнительной власти. На самом деле, департаменты администрации организованы далеко не лучшим образом; нет должного разделения труда, и в результате Вельзевул, "Лунный Аштарот" и другие представители министерства, которые, согласно теории конституции[2], имеют право на первенство, постоянно толкаются и мешают Азиэлю, Мефистофелю, Марбуэлю и другим передовым духам второго сорта, которые постоянно суют свои когти туда, куда их не просят. Постоянная армия значительна[3], помимо добровольцев, которыми она постоянно пополняется. О флоте, однако, ничего не слышно, и по зловещему молчанию, которое хранят наши географы на этот счет, легко понять, что вода - редкий элемент в этом квартале.

Намеки на внешность и поведение Люцифера, правящего монарха, не слишком лестны. Обычные читатели склонны полагать, что этот сан занимает Сатана[4], но это большая ошибка, и она лишь показывает, как сказал Асмодей дону Клеофасу, когда тот впал в подобное заблуждение относительно Вельзевула, "что у них нет истинных представлений об аде". Нравственность Люцифера, как и следовало ожидать, настолько плоха, насколько это возможно, за тем исключением, что мы не видим свидетельств его личного пристрастия к выпивке. Однако его развратные привычки засвидетельствованы многими скандальными хрониками Шпренгера, Дельрио и Бодинуса; а что касается ругательств, то весь мир знает, что Эрнульф был лишь его разновидностью. Все его шутки практичны и низкого порядка, и в большинстве его действий совершенно отсутствует достоинство. Одно из самых забавных его развлечений состоит в том, что он постоянно вытаскивает вертела, на которых ездят его ведьмы, из-под них и энергично прикладывает их к плечам; и он не раз лично наказывал своих слуг, когда они не выполняли назначенное время. Он отъявленный мошенник; многие предприимчивые молодые люди, поступившие к нему на службу под обещание высокого жалованья и продвижения по службе, обнаруживали, засунув руки в карманы, что он выплатил им жалованье оловянными шестипенсовиками, и никогда не дослуживались даже до капрала. Его талант, судя по этим рассказам, можно считать весьма посредственным, и поэтому мы опасаемся, что гениальная подборка из его бумаг, опубликованная Жан-Полем[5], должна быть литературной подделкой. По крайней мере, все его печатные речи плохи, - достаточно смелые, несомненно, в начале, но обычно заканчивающиеся дымом. Он всегда любил выступать в маскарade, и однажды прочитал курс лекций по магии в Саламанке, переодевшись профессором. В 1626 году он прожил целую зиму в Милане под именем герцога Маммона, но в очень роскошном стиле. Однако напрасно его пристрастные биографы пытаются скрыть тот факт, что во время своих ночных прогулок, которыми он, подобно Харуну Альрашиду, одно время увлекался и где, как мы узнаем от шведских ведьм, он обычно появлялся в сером плаще и красной одежде, украшенной лентами и синими чулками, он не раз получал хорошую взбучку от честных людей, которых он пытался подставить подножку, подставляя им свой хвост. И вообще, с тех пор как у него случился роман со святым Дунстаном, он практически не выходил из дома после наступления ночи. Лютер, как мы знаем, не стал с ним мириться, когда тот начал трескать лесные орехи в своей спальне в Вартбурге, но победил его в честном поединке рибаллистов и оскорбителей, оставив несмываемую чернильную кляксу на его красных сюртуках[7]. Святой Люпус запер его на целую ночь в кувшине с холодной водой, в который он (как он думал, хитроумно) погрузился, надеясь, что святой проглотит его врасплох[8]. Однако это, учитывая его обычную температуру, должно было быть актом доброты, который должен был навлечь на святого Лупуса порицание церкви. Святой Антоний, в ответ на очень вежливое предложение

своих услуг, плюнул ему в лицо; это так сильно ранило его чувства, что он долго не решался снова появиться в обществе[9]. И хотя в своих многочисленных сделках с людьми он постоянно пытается добиться какого-нибудь нечестного преимущества, человек с любым талантом, особенно если он был воспитан юристом[10], не может ему противостоять; в книгах есть множество случаев, когда его величество, пытаясь задержать должника, неожиданно терпел поражение благодаря хитроумной спасительной оговорке в залоге, которую, подобно Шейлоку, он упустил из виду, и не подавал иск в церковные суды, где он обычно подает иски, с издержками[11]. Наконец, из дела Мора мы делаем вывод, что его общее здоровье, должно быть, пострадало от климата, так как в 1669 году он был крайне болен в Швеции; и хотя он на время справился с приступом благодаря кровопусканию и антифлогистическому режиму, люди, которые были рядом с ним, думали, что его телосложение разрушается и что он все еще находится в предсмертном состоянии.

Таков гротескный аспект легендарного Люцифера и его двора, который представляет нам курс деймонологии! Но хотя мы с легкомыслием отозвались об этих грубых и осязаемых представлениях о злом принципе, и хотя, несомненно, первое впечатление, производимое подобным фарсом, должно быть смехотворным, у этой темы, мы опасаемся, есть и серьезная сторона. Индийское божество с его дикими искаженными формами и гротескными позами кажется просто смешным, когда его отделяют от аксессуаров и рассматривают при дневном свете в музее. Но верните его в темноту его собственного отвратительного храма, вспомните жертвы, которые проливали кровь на его алтаре или были раздавлены под его машиной, и наше чувство смешного сменится отвращением и ужасом. Так, пока суеверные сны прежних времен считаются простым умозрительным безумием, нас могут на мгновение позабавить дикие бессвязные пациентов; но когда мы подумаем, что из этих ужасных заблуждений относительно принципа зла возникла вера в колдовство; что это была не мертвая вера, а вера, действующая на все существо общества, побуждающая самых мягких и мудрых к убийствам или жестокостям, едва ли меньшим, чем убийство; Что ученые и красавицы, молодые и старые, мужчины и женщины под ее влиянием были преданы костру и эшафоту, - все чувства исчезают, кроме изумления, что такое возможно, и унижения при мысли, что заблуждение было столь же прочным, сколь и всеобщим.

Правда, сейчас течение человеческого мнения, кажется, направлено в другую сторону, и если злой дух преследования снова появится на земле, его *аватар*, по всей вероятности, должен быть создан в другой форме. Наш мозг больше не является, как говорит доктор Фрэнсис Хатчинсон о Бодинусе, "просто хранилищем для дьяволов, в котором они могут танцевать"; и если влияние великого врага все еще активно, как и прежде, на земле в форме злых страстей, то он, по крайней мере, держится лично на заднем плане и полностью изменил свою тактику со времен "Malleus Maleficarum".

"Ибо теперь Сатана стал мудрее, чем прежде,
И искушает, делая *богатыми*, а не делая *бедными*".

Тем не менее, всегда полезно сдерживать гордыню человеческого разума, обращая внимание на те заблуждения, которые омрачают его, особенно те, которые возникли из чувств, сами по себе возвышенных и похвальных. Это, несомненно, относится к одной из самых мрачных глав в истории человеческих заблуждений - вере в колдовство и его последствиям. Желание возвыситься над видимым миром и соединиться с существами, которые, как предполагается, занимают более высокое положение в творении, поначалу казалось благотворным влиянием на разум. Люди смотрели на это как на своего рода лестницу Иакова, с помощью которой они должны были установить связь между землей и небом, и посредством которой ангельские влияния могли бы постоянно восходить и

нисходить на сердце человека. Но, к сожалению, предположение об этом реальном и телесном общении с духами лучшего порядка влекло за собой и аналогичную веру в возможность установления свободной торговли с подземными силами,

"Которые таятся в засаде, в своих земных покровах,
И, быстро услышав наши заклинания, поднимаются на поверхность".

И из этих теоретических воззрений, как только они были установлены и приведены в действие, естественным образом вытекали все ужасы тех бурных времен. Ибо таким образом царства света и тьмы вступали в открытое противостояние: если сатана был готов по первому зову высылать своих духов, как швейцарских наемников, то истинно верующему было необходимо встать против него с оружием в руках, огнем и мечом; любое колебание с его стороны трактовалось как отступничество, и тот, кто сам не хотел быть гонимым, в порядке самозащиты был вынужден становиться гонителем.

Как только великий постулат о прямом дьявольском воздействии был однажды принят и спокойно признан всеми, к нему с легкостью добавлялись любые нелепости. Таким образом, сатана стал как бы домом для бизнеса и груди людей, и каждый рассуждал о его привычках и поведении в соответствии с собственными представлениями; и вскоре безумные фантазии умов, обезумевших от природы, болезней или несчастий, повторяемые со всех сторон, сложились в кодекс или систему веры, которая, будучи внедрена в разум с самыми ранними зачатками обучения, сковывала своим пагубным влиянием даже самые сильные интеллекты. Могучие умы Лютера, Кальвина и Нокса, так быстро обнаруживавшие ошибки, так неустрашимо и беспощадно разоблачавшие их, безропотно поддались ее влиянию; Праведный и способный сэр Мэтью Хейл в 1664 году вынес смертный приговор двум бедным женщинам, обвиненным в колдовстве, а сэр Томас Браун, историк "Вульгарных ошибок", который был допрошен в качестве свидетеля на процессе, высказал свое мнение, что припадки, в которых находились пациентки, хотя и были естественными сами по себе, "усиливались дьяволом, сотрудничавшим со злобой ведьм, по чьей просьбе он творил злодеяния!", и, по-видимому, на этом доказательстве в основном и строился приговор.

На самом деле, нелепости и несоответствия тогдашней ведьминской веры не были так уж рассчитаны, как может показаться на первый взгляд, чтобы пробудить в людях понимание радикального безумия этой веры. Нелепость, которой пестрят почти все подвиги Сатаны и его спутников, выросла, естественно, из монашеского представления о Сатане и, как можно предположить, не противоречит характеру существ, чьи действия, разумеется, не могут быть похожи ни на человеческие, ни на ангельские. В монашеском Сатане нет никакого достоинства: душой и телом он низок и уродлив.

"Gli occhi ha vermigli, e la barba unta ed atra,
E 'l ventre largo, ed unghiate le mani,
Graffia gli spirti, gli scuoja, ed isquatra[12]".

Его обезьяньи трюки и сатирические выходки вполне соответствуют представлению о духе с безграничной злобой, но ограниченными возможностями, который усмеивается там, где не может причинить вреда, и высмеивает те священные обряды, силу которых он вынужден признавать и подчиняться. Поэтому он проповедует своей адской пастве и высмеивает институт таинств; обрушивает свою исконную злобу даже на своих собственных приверженцев; ввергает в страдания своих заблуждающихся жертв или бросает их в беде, лишая обещанных им наград; изводит и мучает добрых, но трусит всякий раз, когда ему смело сопротивляются, и сразу повергает в смятение любого, кто по поручению владеет небесными громами. Писатели-фантасты в целом редко улавливали эти черты его характера;

да и вообще почти никто не делал этого, кроме Гофмана, который в большинстве своих сверхъестественных картин изобразил его не с величием и угрюмым мраком падшего архангела, а с грубой и комичной злобой духа средневековья, и тем самым в целом углубил реальный ужас, Усилил реальный ужас своих гоблинских сцен этими вспышками веселья, подобно тому, как усилился бы страшный эффект казни, если бы преступник, вместо того чтобы присоединиться к богослужениям, вдруг заиграл живую песню с вершины лестницы.

Но независимо от того, было ли заблуждение о колдовстве естественной последовательностью монашеских представлений о злом принципе и почти всеобщего убеждения в том, что общение с существами высшего порядка возможно для человека, никто не может окинуть взглядом его историю, не убедившись, что всеобъемлющий характер его влияния и его длительная продолжительность были обусловлены уголовными законами и преследованиями. К длинному списку примеров, доказывающих, что нет такого мнения, каким бы абсурдным и отвратительным оно ни было, которое не нашло бы верующих и мучеников, если бы однажды стало предметом преследования, добавляется еще один. С самых ранних веков христианства, несомненно, существовала эта вера, и, должно быть, время от времени сильные умы использовали ее в качестве инструмента устрашения для слабых; но все же сама структура общества не была поколеблена, и, за одним исключением^[13], преступление не стало фигурировать в истории, пока булла Иннокентия VIII в 1484 году не раздула дремлющие угли в пламя.

О масштабах ужасов, которые в течение двух с половиной столетий следовали за этим, наши читатели, как мы подозреваем, имеют лишь весьма несовершенное представление; мы помним, как во сне, что по этому обвинению иногда сжигали людей, и один или два примечательных случая из наших собственных летописей или летописей континента могут прийти нам на память. Но о масштабах этих судебных убийств никто, кто хоть немного не погружался в историю демонологии, не имеет ни малейшего представления. Не успел Иннокентий передать свое поручение огнем и мечом в руки Шпренгера и его собратьев, а регулярная форма судопроизводства по этому преступлению была изложена в беспрецедентном труде "Malleus Maleficarum", который был задуман как богословский и юридический комментарий к булле, как род ведьм, кажется, сразу же увеличился и размножился, пока не пополнил землю. Первоначальный эдикт о преследовании был приведен в исполнение последующими буллами печально известного Александра VI в 1494 году (которому Сатана мог бы адресовать обращение "et tu Brute!"), Льва X. в 1521 году и Адриана VI в 1522 году. И все же единственным результатом этих комиссий было то, что зло с каждым днем становилось все более грозным, пока наконец, если верить свидетельствам современных историков, Европа не превратилась в большой пригород или пристройку Пандемониума. Половина населения была либо заколдована, либо околдована. Дельрио в своем предисловии сообщает, что в Женеве за три месяца, примерно в 1515 году, было казнено 500 ведьм. Тысяча, говорит Бартоломей де Спина, была казнена за один год в епархии Комо, и еще некоторое время после этого их продолжали сжигать по сто в год. В Лотарингии с 1580 по 1595 год Ремигиус хвастается тем, что сжег 900 человек. Во Франции множество казней около 1520 года просто невероятно; Данеус в первой части своего диалога о ведьмах называет их "infinitem pene veneficorum numerum". Известный колдун Труа Эшель сообщил Карлу IX, когда тот находился в Пуату, имена 1200 своих сообщников. Этот подсчет соответствует более разумной версии Мезерея, так как автор "Журнала регентства Генриха III" называет цифру 3000, а Бодинус, не удовлетворившись даже этим, добавляет шифр, и общее число ведьм, обличённых Труа Эшель, составляет 30 000, хотя в то же время он выражает сомнение в правильности этого подсчета.

В Германии, на которую, собственно, и ссылалась булла Иннокентия, эта чума свирепствовала в почти немыслимой степени. Бамберг, Падерборн, Вюрцбург и Тревес были ее главными очагами, хотя в течение полутора столетий после введения судебных процессов в рамках комиссии ни один квартал этой великой империи не был свободен от ее пагубного влияния. Было бы утомительно и отвратительно перечислять подробности этих злодеяний, но "ab uno disce omnes". Каталог казней в Вюрцбурге за период с 1627 по февраль 1629 года, то есть за два года и два месяца, напечатан Хаубером в заключении третьего тома его "Acta et Scripta Magica". Он регулярно делится на двадцать девять сожжений и содержит имена 157 человек, причем Хаубер в то же время указывает, что каталог не является полным. Невозможно просмотреть этот каталог без ужаса. Большую часть его составляют старухи или иностранные путешественники, схваченные, по-видимому, как иностранцы в Париже во времена Марата и Робеспьера: в нем есть дети двенадцати, одиннадцати, десяти и девяти лет, четырнадцать викариев собора, два мальчика из знатных семей, два маленьких сына (*söhnlein*) сенатора Штольценбурга; незнакомый мальчик; слепая девочка; Гобель Бабелин, самая красивая девушка в Вюрцбурге, и т. д.

"Sanguine placârunt Divos et virgine cæsá!"

И все же, каким бы страшным ни казался этот список из 157 казненных за два года, их число не (с учетом населения Вюрцбурга) так велико, как в процессе Линдхейма в 1660-1664 годах. Ведь в этом небольшом районе, насчитывавшем не более шестисот жителей, было осуждено и предано смерти тридцать человек, что составляет двадцатую часть всего населения, уничтоженного за четыре года.

Как ужасны результаты, к которым приводят эти данные! Если принять 157 за среднее значение казней в Вюрцбурге (а в самом каталоге говорится, что список был далеко не полным), то количество казней в течение века, предшествовавшего 1628 году, составит 15 700. Мы знаем, что с 1610 по 1660 год была великая эпоха процессов над ведьмами, и что до 1749 года Мария Рената была казнена в Вюрцбурге за колдовство ; и хотя в промежутке между 1660 годом и этой датой можно надеяться, что количество этих ужасов уменьшилось, можно не сомневаться, что к уже указанному количеству следует добавить несколько тысяч. Если Бамберг, Падерборн, Тревес и другие католические епископства, чье рвение было не менее пылким, предоставили равный контингент, и если протестанты, как мы знаем^[14], фактически соперничали с ними в масштабах этих жестокостей, число жертв с момента издания буллы Иннокентия до окончательного прекращения этих гонений должно значительно превысить 100 000 в Германии.

Даже чувство ужаса, вызванное ознакомлением с Вюрцбургскими убийствами, пожалуй, превосходит то, которое должен вызвать другой документ, касающийся положения дел в 1629 году: а именно баллада на тему этих казней, подробно описывающая страдания несчастных жертв в догреческих стихах, "исполняемая на мотив Доротеи" - обычной уличной песни того времени. Она озаглавлена "Druten Zeitung", или "Хроника ведьм", "представляющая собой рассказ об удивительных событиях, произошедших во Франконии, Бамберге и Вюрцбурге, с теми несчастными, которые из-за жадности или честолюбия продали себя дьяволу, и о том, как они наконец получили свою награду; положенная на музыку и исполняемая под мелодию Доротеи". Она также украшена некоторыми отвратительными деревянными приспособлениями, изображающими трех дьяволов, которые хватают разных людей за волосы на голове, ногах и т. д. и утаскивают их. Она начинается и заканчивается некоторыми благочестивыми размышлениями о вине ведьм и чародеев, чью судьбу она отмечает с величайшим ликованием и удовлетворением. В частности, один прием, с помощью которого ведьму, упорно сопротивлявшуюся пыткам,

вынуждают признаться - а именно, посылают в ее тюрьму палача, переодетого в ее знакомого (Buhl Teufel), - кажется, встречает особое одобрение автора, который называет его отличной шуткой; и, несомненно, его глазах значительно усиливается тем, что после полученного признания, как это называлось, несчастная была немедленно предана огню[15]. Что мы можем подумать о состоянии чувств в стране, где эти ужасы стали предметом периодических баллад и были положены на музыку для развлечения населения[16]?

Одним из фатальных последствий настойчивости, с которой сатана и его дела были выставлены на всеобщее обозрение, стало то, что тысячи слабых и развращенных умов были фактически приведены к убеждению, что они вступили в связь с этим злым существом, и что видения, которые так долго преследовали мозг Шпренгера и его соратников, осуществились в их собственном случае. Только таким образом можно в какой-то мере объяснить странные признания, которые составляют главную особенность процессов над ведьмами, где несчастные, полностью осознавая свою судьбу, признаются в общении с Сатаной, в полуночных встречах, заклинаниях, в общении с духами, "белыми, черными, и серыми, со всеми их трубами", гротескными ужасами субботы, - словом, всеми дикими и невозможными фантазмами, получившими цвет и тело в "Маллеусе", - и, казалось, были совершенно удовлетворены тем, что полностью заслужили огненное испытание, которому их признание немедленно подвергало их. Когда мы читаем об этих процессах, мы думаем о действии скрипки еврея в сказке Гримма; мы видим, как заблуждение распространяется, как эпидемия, от одного к другому, пока сначала свидетели, затем судьи, и, наконец, сами бедные преступники, все поддаются головокружительному вихрю, и уходят, как танцующие дервиши, под его влиянием.

Правда, во многих случаях, особенно в тех, которые относятся к началу XVII века, когда дьявольские доктрины Шпренгера и Дельрио были в полном расцвете сил, признания, на которых основывались эти приговоры, были получены с помощью пыток, моральных и физических, и часто отказывались от них, пока новое применение дыбы не приводило к новым признаниям. Один пример из Дельрио может заменить тысячи. Он упоминает, что несчастного джентльмена в Вестфалии двадцать раз прикладывали к дыбе, "*vicies sævæ quæstioni subditum*", чтобы заставить его признаться, что он волк-оборотень! Он сопротивлялся всем этим пыткам, пока палач не дал ему пьянящий напиток, и под его воздействием он признался, что все-таки был волком. "*En judicum clemens arbitrium*", - говорит Дельрио, - "*quo se porrigat in illis partibus aquilonaribus*" - "Посмотрите, как многострадальны мы, судьи на севере! Мы никогда не предаем наших преступников смерти, пока не испытаем их двадцатью предварительными пытками! Это вполне в духе другого достойного человека в Германии, который был раздражен упорством ведьмы, которая, подобно бедному ликантропу, упорно отстаивала свою невиновность. "*Da liess ich sie tüchtig foltern*", - говорит инквизитор, - "*und sie gestand*"; "Я подверг ее жесткой пытке (пытка длилась четыре часа), и она призналась! Кто бы при такой системе не признался? Смерть была неизбежна в любом случае, и главная задача состояла в том, чтобы достичь этой концовки с наименьшей подготовительной болью. "Я отправился, - рассказывает сэр Джордж Маккензи, - когда я был заместителем судьи, чтобы осмотреть нескольких женщин, которые признались в судебном порядке. Одна из них, глупая, сказала мне, что призналась не потому, что была виновна, а потому, что, будучи бедным существом, работающим ради пропитания, и будучи оклеветанной ведьмой, она знала, что будет голодать, ибо никто в будущем не даст ей ни мяса, ни жилья, и что все люди будут бить ее и натравливать на нее собак, и поэтому она хотела бы уйти из мира. После этого она горько заплакала и на коленях призвала Бога в свидетели того, что она сказала[17]". В других случаях пытки применялись не

только к самому обвиняемому, но и к его родственникам или друзьям, чтобы добиться признания. В деле Элисон Пирсон[18] выяснилось, что ее дочь, девочку девяти лет, поместили в *пиллиумы*, а сына подвергли примерно пятидесяти ударам *сапогами*. Там, где пытка не была телесной, ужас, смятение и влияние других людей часто производили тот же эффект на слабые умы обвиняемых. В случае с ведьмами Новой Англии в 1696 году шесть бедных женщин, освобожденных в ходе всеобщего освобождения из тюрем, которое произошло после того, как царивший там террор пошел на спад (и все они ранее признались в том, что были виновны во вменяемых им колдовствах), письменно отказались от своих признаний, объяснив их испугом, вызванным их внезапным арестом и заключением в тюрьму. "И действительно, - говорили они, - то признание, которое, как утверждается, мы сделали, было не чем иным, как тем, что нам внушили некоторые джентльмены, сказав, что мы ведьмы, и они это знали, и мы это знали, и они знали, что мы это знали, что заставило нас думать, что это так, и наше понимание, наш разум и наши способности почти исчезли, мы были не в состоянии оценить наше состояние. И большая часть того, что мы говорили, была лишь согласием с тем, что говорили они[19]".

Но хотя, несомненно, большая часть этих признаний, которые поначалу так способствовали продлению этого заблуждения, была получена под пытками или вопреки реальному убеждению и вере обвиняемого, невозможно отрицать, что во многих случаях признания были добровольными и исходили из реальной веры. Не стоит удивляться и тому, что люди слабого и меланхолического темперамента, особенно в то время, когда явления природы и человеческого тела были так мало изучены, были склонны объяснять каждое происшествие, которое они не могли объяснить, и каждый дикий фантазм, который приходил им в голову, прямым и непосредственным воздействием злой силы. В тот период даже самые естественные события приписывались колдовству. Если ребенок после прикосновения подозреваемой особы умирал или заболел, конвульсии приписывали дьявольскому вмешательству, как в случае с Венхамом, произошедшем в 1712 году[20]. Если же, напротив, она лечила, а не убивала, вывод был тот же, хотя единственным используемым заклинанием могла быть молитва к Всевышнему[21]. Если кошка старухи, приходя ночью к двери, участвовала в концерте с другими кошками, это было не что иное, как переодетая ведьма[22]. В деле Роберта Эрскина из Дуна[23], судимого за убийство своих племянников, он обвиняется в том, что избавился от них с помощью *отравления* и *колдовства*, как будто отравление само по себе не было достаточным основанием для их смерти.

Еще менее удивительно, что те загадочные явления, которые иногда происходят с человеком, такие как самовозгорание, галлюцинации, обусловленные состоянием мозга и нервов, и оптические обманы, должны казаться страдальцам делом рук дьявола, на чьи добрые услуги они, вполне возможно, ссылались в приступе уныния или мизантропии, не ожидая, подобно бедняку из басни, призвавшему Смерть, что им поверят на слово. Каким "Тезаурусом ужаса" стали бы призраки Николая в XVI веке или в начале XVII, если бы они воплотились на страницах "Malleus" или "Flagellum Dæmonum", а не были бы спокойно опубликованы пациентами как оптические и медицинские феномены в "Berlinische Monatschrift" за 1799 год и 15-м томе "Философского журнала"! Какой страшный взгляд на адский мир могли бы дать еще более страшные иллюзии, которые преследовали бедного Бацко из Кенигсберга[24] во время его политических трудов в 1806 году; ухмыляющийся негр, сидевший напротив него, совиная голова мучителя, который каждую ночь смотрел на него сквозь шторы, змеи, извивающиеся и вращающиеся вокруг его коленей, когда он поворачивал периоды! Если мы вернемся в 1651 год, то обнаружим, что наш англичанин Якоб Бёме, Пордаж[25], рассказывает о видениях, которые, должно быть, были точно такого же рода, возникали в результате возбужденного состояния мозга, с самым глубоким

убеждением в их реальности. Его филадельфийские ученики, Джейн Лид, Томас Бромлей, Хукер, Саппертон и другие, при первой же встрече в их обществе удостоились видения несравненного великолепия. Принцы и силы адского мира прошли перед ними, сидя в каретах, окруженных темными облаками и запряженных *кортежем* львов, драконов, тигров и медведей; затем последовали низшие духи, выстроенные в эскадроны с кошачьими ушами, когтями, скрюченными конечностями и т. д.; закрывали ли они глаза или держали их открытыми, видения были одинаково отчетливыми; "ибо мы видели, - говорит мастер-дух Пордаж, - глазами ума, а не тела".

"И формы, которые не приходят на зов смертных.
И не уйдут, когда смертный голос скажет.
Повелители пронизательного глаза, чье веко
поднятое однажды, остается в изумлении и не опускается[26]".

Таким образом, в то время как явления, которые, как показал опыт, были совершенно естественными, повсеместно приписывались сверхъестественным причинам, люди стали иметь самое непосредственное отношение к духовным существам всех видов. В конце шестнадцатого века доктор Ди, по его собственному рассказу, а мы искренне верим его собственному убеждению, находился в близких отношениях с большинством ангелов. Его брат-врач, доктор Ричард Напьер, родственник изобретателя логарифмов, получал почти все свои медицинские рецепты от ангела Рафаила. У Элиаса Эшмола был MS. том этих рецептов, заполнивший около полутора квиров бумаги[27]. На самом деле можно предположить, что в то время мало кто снисходил до того, чтобы лечиться естественным путем. Вспомните сочувственные нострумы Валентина Грейтрейкса и сэра Кенелма Дигби; или случай с Арисом Эвансом, о котором сообщает Обри, у которого "был грибковый нос, и ему было *открыто*, что рука короля вылечит его; и при первом приходе короля Карла II в Сент-Джеймский парк он поцеловал руку короля и *потерял* ею свой нос, что *встревожило* короля, но *вылечило* его". Во времена Обри визиты призраков тоже стали настолько частыми, что они выходили и входили, не вызывая ни малейших ощущений. Обри делает запись в своем дневнике о появлении призрака так же спокойно, как в наши дни торговец делает запись в бухгалтерской книге. "Anno 1670. Недалеко от Чиренчестера было явление. На вопрос, добрый это дух или злой, он ничего не ответил, но исчез с диковинным ароматом и мелодичным звоном".

Стоит ли удивляться, что, окруженные со всех сторон подобными суеверными фантазиями, слабые и развращенные люди рано поверили в то, что все дикие химеры демонологов правдивы и что они действительно заключили тот договор с сатаной, возможность которого повсеместно внушалась как предмет веры, а мысль о нем постоянно присутствовала в их сознании? Или что под влиянием этого страшного заблуждения они должны добровольно признаться в своем мнимом преступлении, как в амстердамском случае с бедной девушкой, которая обвинила себя в околдовывании скота словами Shurius, Turius, Tirus[28], или в другом, еще более примечательном случае в 1687 году, упомянутом в "Beyträge" Рейхарда, где молодая женщина обвинила себя, свою подругу и мать своей подруги в длительном колдовстве, со всеми обычными традиционными и невозможными ужасами Шпренгера и его собратьев?

Боимся, нет причин сомневаться и в том, что некоторые из самых ужасных их представлений были основаны на фактах, которые были слишком реальны; что хитрые и развращенные люди пытались обратить экстаз и страх этих несчастных в своих целях; короче говоря, что мошенничество, подобное тому, которое Боккаччо изобразил в своем романе об ангеле Гаврииле, иногда разыгрывалось с заблуждающимися жертвами. Не вдаваясь далее в

довольно деликатную тему, читатель, который помнит разоблачения, имевшие место в известном французском деле отца Жирара и Ла Кадьера, поймет, о чем идет речь.

Много говорилось о чудесных совпадениях в показаниях обвиняемых при их раздельном рассмотрении, о мельчайших деталях и общей гармонии inferнальных повествований, собранных на процессах над ведьмами в разных странах. Но на самом деле это утверждение должно быть принято с большими ограничениями; ведь во многих случаях, когда, принимая утверждения Шпренгера и других авторов за истину, мы должны были бы предположить полное совпадение, сохранившиеся оригинальные признания доказывают, что сходство было лишь общим, а в деталях показаний имелись радикальные и неустранимые различия. В той мере, в какой это утверждение действительно верно, одно простое объяснение позволяет объяснить этот феномен: "*Insanire parent certâ ratione modoque*". Общие представления о дьяволе и его поведении, обрядах адского шабаша и т. д. были однажды закреплены, и видения, посещавшие умы несчастных обвиняемых, вскоре приняли вполне определенную и неизменную форму; так что, даже если бы их оставили рассказывать свои собственные истории, между рассказами разных людей было бы самое близкое сходство. Но это было еще не все. Почти в каждом случае признания были лишь отголоском вопросов, задаваемых инквизиторами, и все они опять-таки основывались на демонологическом кредо "Маллеуса". Всем ведьмам задается один и тот же набор вопросов, и ответы, почти всегда являющиеся простыми утверждениями, обязательно совпадают. Поэтому довольно забавно наблюдать, насколько разными были результаты, когда процесс расследования попадал в руки людей, которым руководство Шпренгера было неизвестно. На процессе в Линдхайме в 1633 году, о котором мы уже упоминали, инквизитором оказался старый солдат, участник нескольких кампаний Тридцатилетней войны, который, вместо того чтобы ломать голову над инкубами, суккубами и прочими излюбленными предметами дознания учеников Молота, хотел лишь выяснить, кто является королевой адских духов, генералом, офицерами, *капралами* и т. д. На все эти вопросы он получал ответы, столь же четкие и удовлетворительные, как и те, что записаны для нашего обучения в хрониках Бодинуса или Дельрио.

В семнадцатом веке манера передачи заблуждений, похоже, в точности напоминала те замечательные случаи симпатии, которые встречаются в случаях шотландского обращения в Камбусланге и американской лесной проповеди. Не успел один ипохондрик опубликовать свои симптомы, как пятьдесят других сразу же почувствовали себя пораженными тем же расстройством. В знаменитом случае Мора в 1669 году, с которым, конечно, знакомы все читатели Гланвила (а кто не заглядывал иногда в его ужасы?), болезнь распространилась сначала через детей, которые считали себя жертвами дьявольского воздействия и приписывали конвульсии, обмороки и т. д., а затем через самих несчастных ведьм, ибо как только одна или две из них, разразившись слезами, признавались, что обвинения детей были правдой, все остальные присоединялись к этому признанию. И в чем же суть их признания? Из всех невозможных нелепостей, когда-либо входивших в мозг человека, это испытание является воплощением. Они встречаются с дьяволом каждую ночь на Блокуле, которая в Швеции является бальным залом дьявола, как Брокен в Германии; они едут туда на палках, козлах, мужских спинах и вертелах; их крестит священник, предоставленный дьяволом; они ужинают с ним, очень экономно, как кажется, поскольку банкет обычно состоит из бульона, приготовленного из пустырника и бекона, овсянки, хлеба и масла, молока и сыра; дьявол не позволяет вина. После ужина они танцуют, а когда дьявол хочет быть особенно веселым, он вытаскивает из-под них вертела и бьет их до крови, после чего усаживается и разражается хохотом. Иногда он устраивает им музыкальный спектакль на арфе, ведь он очень любит музыку, о чем свидетельствует его знаменитая соната к Тартини.

Все они признаются, что имели с ним сношения[29], и большинство из них родили от него сыновей и дочерей. Время от времени он заболел, и ему требовались кровопускания и кровопускания; а однажды он, казалось, умер, и по этому случаю на Блокуле был объявлен всеобщий траур по нему, как сирийские девы оплакивали ежегодную рану своего идола Фаммуза на Ливане. Не страшно ли думать, что на суде, состоявшем из *представителей элиты* провинции Далекарлия, которым помогали столичные комиссары, - в стране, где до этого времени о мании ведьм, уже начавшей стихать в Германии, почти не слышали и где она прекратилась, возможно, раньше, чем в большинстве других стран Европы, - на основании таких признаний были осуждены и казнены одновременно семьдесят две женщины и пятнадцать детей? Можно ли после этого без содрогания читать прохладное газетное заключение доктора Хорнека: "25 августа была совершена казнь заведомо виновных, *день был яркий и великолепный, солнце сияло*, и на зрелище присутствовало несколько тысяч человек!"

За тридцать лет до этого похожий случай развития эпидемии произошел в Лилле, в больнице, основанной благочестивой энтузиасткой Антуанеттой Буриньон. Однажды, войдя в школьную комнату, она вообразила, что видит несколько маленьких черных детей с крылышками, летающих над головами девочек; и, не понравившись цветом и внешним видом этих посетителей, она предупредила своих учеников, чтобы они были начеку. Незадолго до этого одна девочка, сбежавшая из заведения вследствие заключения в тюрьму за какой-то проступок, в котором она была виновна, была допрошена, как ей удалось сбежать, и, не желая, вероятно, раскрывать правду, заявила, что ее освободил дьявол, служению которому она посвятила себя с детства. В ту эпоху *диаблеры* не хватало только вскружить голову бедным детям; в течение шести месяцев почти все девочки в больнице, а их было более пятидесяти, признали себя закоренелыми ведьмами и признались в обычных сношениях с дьяволом, полуночных встречах, танцах, банкетах и т. д., которые составляют основу повествования того времени. Однако их идеальные банкеты, похоже, были более либеральными, чем у бедных ведьм Мора; возможно, потому, что многие из учеников привыкли к лучшим блюдам в густонаселенном и богатом городе во Фландрии, а другие - в бедной деревне в Швеции. За этим поразительным разоблачением последовали всевозможные экзорцизмы и молитвы. Капуцины и иезуиты поссорились: капуцины безоговорочно верили в реальность одержимости, а иезуиты сомневались в ней. Родители виновного теперь натравили на бедняжку Буриньон, обвинив ее в околдовывании; и наконец благочестивая теософистка, после экзамена перед Советом, с радостью устремилась в бегство, получив таким образом более ясное, чем прежде, представление о царстве Сатаны, в отношении которого она питала и публиковала столько же странных фантазий, сколько епископ Беневенто; и на собственном опыте убедилась в опасности вмешательства в юные умы, в которых суеверия заложены так давно, что достаточно было искры из ее перегретого мозга, чтобы разжечь их в пламя.

Похоже, что и физические причины, в частности нервные заболевания необычного рода, в это время смешались с заблуждениями, зародившимися в суеверных представлениях о дьяволе и его влиянии, и усилили их. В тот самый год (1669), когда дети в Море страдали от конвульсий и обмороков, дети в сиротском госпитале в Хоорне, в Голландии, страдали от точно такого же недуга; но хотя эти явления были приписаны дьявольскому воздействию, подозрения общественности, к счастью, не были направлены на какого-то конкретного человека. Другой случай такого же рода произошел примерно за столетие до этого в амстердамской больнице для сирот, о которой подробно рассказывается в "Истории этого города" Даппера; число детей, которые, как предполагается, были околдованы, составило около семидесяти, и зло было приписано некоторым несчастным старухам, перед домом

которых пострадавшие дети, когда их выводили на улицу, вели себя более чем обычно шумно. Это же, по-видимому, было основной причиной трагедий в Новой Англии в 1699 году; демонических выставок в Лаудоне, , которые послужили предлогом для убийства несносного Грандье; странных происшествий, случившихся в 1749 году в монастыре Унтерцелль в Вюрцбурге; и большинства других более примечательных случаев предполагаемой одержимости. Таинственный принцип симпатии, действующий в слабых умах, на самом деле лежит в основе большинства необычных явлений в истории колдовства. Неудивительно, что после столетнего опыта судьи и даже сама невежественная публика наконец-то заподозрили, что, как бы ни был применен этот принцип к другим преступлениям, признание преступника не является в случаях с колдовством *лучшим* доказательством факта. В делах Новой Англии, говорит мистер Калеф (25 апреля 1693 года), "судили одну, которая призналась; но теперь их так хорошо научили, какой вес следует придавать признаниям, что присяжные признали ее невиновной, хотя она призналась, что была таковой".

Но сколько крови было пролито, прежде чем даже этот принцип был признан, и еще больше, прежде чем судебная вера в существование преступления была полностью искоренена! Какое зрелище представляет собой Европа со времени буллы Иннокентия и до начала XVIII века! Шпренгер, Генрих Инститор, Гейс фон Линдгейм и другие в Германии; Куманус в Италии; инквизиция в Испании; Ремигиус, Бодинус и де л'Анкара во Франции и Лотарингии, со всех сторон настигающие ведьм с помощью 'Malleus Maleficarum' или забивающие их до смерти 'Flagellum' и 'Fustis Dæmonum'; Голландия, Женева, Швеция, Дания, Англия и Шотландия соревнуются друг с другом в количестве судебных процессов и глубине своего увлечения и фанатизма!

Реформация, выкорчевавшая другие заблуждения, только укрепила и развила это. Каждый город и деревня на континенте были заполнены шпионами, обвинителями и жалкими людьми, которые зарабатывали на жизнь, притворяясь, что обнаруживают тайные знаки, указывающие на договор с дьяволом[30], - инквизиторы, судьи, адвокаты, палачи, все, кто связан с этими страшными трибуналами, были начеку в поисках всего, что могло бы вызвать подозрение. Чтобы обеспечить смерть или гибель врага, в большинстве случаев не требовалось ничего другого, как бросить в пасть этого льва обвинение в магии. "Vix aliquis eorum", - говорит Линден, решительный противник этих процессов, "qui accusati sunt, supplicium evasit". Судьба Эделина, Урбана Грандье и маршала д'Анкара во Франции, доктора Флаэ и Сидонии фон Ворк в Германии, Петра из Абано в Италии[31] доказывает, как часто обвинения в колдовстве не верили даже сами обвинители, а прибегали к ним лишь как к определенному средству избавиться от несносного врага. Тем временем нотариальные клерки и чиновники, работая по своему призванию, богатели за счет огромных гонораров, связанных с этими процессами; палач становился персоной первоклассной: "generoso equo instar aulici nobilis ferebatur, auro argentoque vestitus: uxor ejus vestium luxu certabat cum nobilioribus[32]". Некоторое частичное ослабление этого гонительского рвения произошло благодаря рескрипту Иоанна VII. (18 декабря 1591 года), адресованного комиссии, в котором судебные сборы были ограничены более умеренными пределами; но все же прибыли, получаемой от этой торговли человеческими жертвами, было достаточно, чтобы побудить членов и иждивенцев суда, подобно браминам в Индии, всеми силами поддерживать эту систему очищения огнем.

Однако в конце концов ужасы Вюрцбурга и Тревеса стали открывать глаза даже самым тупым на развитие опасности, которая, начавшись, как облако Илии, постепенно накрыла страну. Пока казни касались только низших слоев населения, сумасшедших старух или несчастных иностранцев, даже те, чей более энергичный ум позволял им противостоять народной

заразе, предпочитали сидеть зрителями этих ужасов, чем подвергать себя судьбе Эделина или Флаэта, нападая на безумие, в котором они зародились. Но теперь, когда мор, распространяясь все дальше и дальше, угрожал жизни более возвышенных жертв, - когда каталог стали пополнять дворяне и аббаты, председатели судов и профессора, и когда ни один человек не чувствовал себя уверенным, что его не заставят вдруг под пытками свидетельствовать против собственной невинной жены или детей, - эгоизм стал сотрудничать с истиной и разумом. Точно так же и в случае с колдовством в Новой Англии первым действенным препятствием для него стало обвинение миссис Хейл, жены священнослужителя: ее муж, который до этого момента принимал самое активное участие в преследовании, сразу же получил новое представление об этой сделке и приложил все свое влияние для прекращения процесса.

Первый решающий удар, который доктрины инквизиторов получили в Германии, был нанесен публикацией "Cautio Criminalis" в 1631 году. В XVI веке, правда, Понцонибиус, Виерус, Пьетро д'Апоне и Реджинальд Скотт опубликовали работы, которые ставили под сомнение все их процессы; но труды иностранцев были почти неизвестны в Германии, а работа Виеруса была почти столь же абсурдной и суеверной, как и доктрины, с которыми он боролся. Вряд ли можно назвать заслугой реформаторов то, что первая работа, в которой этот вопрос рассматривался с философской, гуманной и здравой точки зрения, была написана католическим иезуитом Фридрихом Шпее, потомком знатного вестфальского рода. Это разоблачение ужасов суда над ведьмами так сильно подействовало на разум Иоанна Филиппа Шонбрунна, епископа Вюрцбургского, а затем архиепископа и курфюрста Менцского, что первой его заботой после вступления в должность курфюрста стало полное упразднение этого процесса в своих владениях - примеру которого вскоре последовали герцог Брауншвейгский и другие немецкие князья. Вскоре после этого тьма начинает рассеиваться, и появляется лучшая перспектива, хотя все еще подверженная частичному и временному помрачению, - зло, очевидно, перемещается дальше на север и вновь появляется в Швеции и Дании в форме процессов в Море и Фиоге. Рейхард[33] опубликовал рескрипт Фридриха Вильгельма, курфюрста Бранденбургского, датированный 4 ноября 1654 года, адресованный судьям в связи с делом Анны Эллерброкской, предписывающий, чтобы заключенную выслушали в защиту, прежде чем прибегать к пыткам (принцип, прямо противоположный тем, которых придерживались инквизиторские суды), и прямо осуждающий доказательство водой как несправедливое и обманчивое испытание, которому не следует доверять. Даже в тех случаях, когда выносится обвинительный приговор, как, например, в Нойендорфе Екатерине Земпельс, мы видим, что смертный приговор, вынесенный ей провинциальными судьями, был заменен пожизненным заключением, вынесенным Избирательной палатой в 1671 году, - степень снисхождения, которая никогда не могла иметь места в период разгара мании.

В 1701 году знаменитая инаугурационная диссертация Томазиуса "De Crimine Magiæ" была публично прочитана под бурные аплодисменты в Галльском университете. Это произведение, которое за пятьдесят лет до этого наверняка принесло бы автору не что иное, как мученическую корону, но теперь было принято с общим одобрением, как воплощающее взгляды, которые честные и разумные люди уже давно придерживались. Большим кладезем информации и аргументов для Томазиуса послужила работа Беккера, который опять же взял за образец трактат Ван Дейла об оракулах; и Томазиус, хотя и принял его факты и аргументы, избежал тех картезианских доктрин, которые были главной причиной того, что работа Беккера произвела столь мало практического эффекта. Тем не менее, несмотря на

достигнутые успехи, огонь преследований, похоже, был лишь притушен, но не погашен. В 1728 году он снова вспыхнул в Сегедине в Венгрии, где тринадцать человек были заживо сожжены на трех эшафотах за колдовство при обстоятельствах, достойных самых диких периодов этого безумия. И вот в 1749 году происходит страшная история Марии Ренаты из Вюрцбурга, все официальные подробности которой опубликованы Хорстом, и которая по своей жестокости достойна завершить длинную серию убийств, загрязнивших летопись Бамберга. Этот процесс примечателен тем, что вызвал чувство отвращения в Германии, Италии и Франции; тем более что, что бы ни думали о реальности ее притязаний, нет никаких сомнений в том, что Мария отнюдь не была непорочной, а баловалась заклинаниями и зельями, *была venefica* в смысле Феодосийского кодекса. Но всему свое время, как говорит Соломон, под солнцем, и слава "*Malleus Maleficarum*" ушла. Следствием этого стало то, что, взяв этот процесс в качестве учебника, различные иностранцы, в частности Маффеи, Тартаротти и Делл'Осса, так энергично атаковали эту систему, что с тех пор приверженцы старого суеверия, похоже, покинули поле боя в Германии.

В Швейцарии и Франции дело сдвинулось с мертвой точки гораздо раньше. Говорят, что в католическом кантоне Гларус ведьму сожгли даже в 1786 году, а в протестантских кантонах, похоже, не было ни одного судебного процесса в течение двух столетий. Последней казнью в Женеве была казнь Мишеля Шодерона в 1652 году. Себастьян Михаэлис хочет заставить нас поверить, что в свое время женевский трибунал не предавал смерти преступников, обвиненных в колдовстве, если только не было доказано, что они действительно причинили вред людям или животным, и что другие явления - признания и т. д. - рассматривались как простое психическое заблуждение. Однако если так и было изначально, то это гуманное правило, к сожалению, вскоре было отменено; ведь нигде мания преследования не бушевала так сильно, как в Женеве, как явствует из предисловия Дельрио. Тем не менее, кажется, что Женеве принадлежит заслуга быть первым государством в Европе, которое освободилось от влияния этого кровавого суеверия.

Во Франции эдикт Людовика XIV в 1682 году, направленный только против *притворных* ведьм и пророков, ясно доказывает, что вера в реальность колдовства прекратилась, и что было лишь притворное использование таких сил, которые считалось необходимым подавить. К чести Людовика и его министерства следует отнести тот факт, что этот шаг был предпринят им вопреки официальной *просьбе* парламента Нормандии, представленной в 1670 году по случаю того, что его величество заменил смертную казнь пожизненным изгнанием в отношении нескольких преступников, которых парламент осудил *more majorum* за колдовство[34]. В оправдание своей веры они напомнили Людовику о неизменной практике королевства; о многочисленных приговорах Парижского парламента, начиная с процесса в Артуа в 1459 году, о котором сообщал Монстреле, и заканчивая приговором Леже в мае 1616 года; о приговорах, вынесенных по поручению Генриха Великого, адресованному сеньору де Л'Анкара в 1609 году; о приговорах, вынесенных парламентом Тулузы в 1577 году; о знаменитом деле Гофриди в 1611 году; об *арестах* парламентов Дижона и Ренна, последовавших за замечательным процессом маршала де Реца в 1441 году, который был сожжен за магию и колдовство в присутствии герцога Бретани: И после борьбы с авторитетом канона Ауцирского собора и отрывка из св. Августина, которые цитировали против них их оппоненты, они завершают свои мольбы следующим спокойным и милосердным обращением к Его Величеству: "Чтобы она благословила исполнение судебных решений, которые они приняли, и позволить им продолжать обучение и судейство по делам лиц, обвиняемых в распутстве, и чтобы пиетет Вашего Величества не пострадал от того, что во время суда будет выдвинуто новое мнение, противоречащее принципам религии, ради которой Ваше Величество всегда славно использовал свои средства защиты и оружие."

Несмотря на этот заключительный комплимент рвению и благочестию Его Величества, сомнительно, что парламент Нормандии, беспокоясь о поддержке своих конституционных привилегий, мог бы предпринять более эффективный план, чтобы разрушить свое собственное дело, чем представить Людовику своего рода антологию или элегантные выдержки из жестокостей суда над ведьмами; и, по всей вероятности, появление эдикта 1680 года было ускорено именно тем выступлением, которым нормандские мудрецы надеялись его задушить.

Если перейти от континента к положению дел в Англии и Шотландии, то перспектива окажется отнюдь не радужной; и уж точно ничто не может быть более обманчивым, чем умиротворение, которое доктор Фрэнсис Хатчинсон возлагает на свою душу, когда осмеливается утверждать, что Англия была одной из тех стран, где ее ужасы ощущались меньше всего и подавлялись раньше всего. Свидетельствуют суды и приговоры, которые еще до принятия какого-либо уголовного закона были вынесены за это мнимое преступление, как в случае с Болингброком и Марджери Журден, чьи заклинания гений Шекспира сделал знакомыми нам во второй части "Короля Генриха VI". Свидетельствуют последовательные статуты Генриха VIII, Елизаветы и Якова I, последний из которых был отменен только в 1736 году и принят в то время, когда Кок был генеральным прокурором, а Бэкон - членом Общин! Вспомните подвиги Хопкинса, генерала-искателя ведьм, против несчастных существ в Линкольншире, из которых...

"Некоторые только за то, что не утонули,
А некоторые за то, что сидят над землей
Целые ночи и дни на своих штанах,
и чувствовали боль, были повешены как ведьмы".
Гудибрас, часть ii. канто iii.

Что сказал бы доктор на список из ТРЕХ ТЫСЯЧ жертв, казненных только во времена династии Долгого парламента, который, по словам Захария Грея, редактора "Гудибраса", он сам просмотрел? Какие нелепости могут превзойти те, в которых клялись ведьмы из Уорбоя, чья судьба во времена доктора Хатчинсона, а, возможно, и сейчас, ежегодно "улучшалась" в памятной проповеди в Кембридже? Или незадачливые ланкаширские ведьмы, принесенные в жертву, как потом оказалось, злодейству самозванца Робинсона, чья история послужила материалом для драматической музыки Хейвуда и Шедуэлла? Как меланхолично выглядит человек, подобный Хейлу, осуждающий Эми Дьюни и Роуз Каллендер в 1664 году на основании доказательств, над которыми, хотя они и подтверждены мнением сэра Томаса Брауна, сейчас посмеялся бы и ребенок? Лучший порядок вещей, правда, начинается с главного судьи Холта. Улики против матери Маннингс в 1694 году привели бы к тому, что человек с более слабым интеллектом решил бы судьбу несчастной старухи; но Холт с такой твердостью и здравым смыслом обвинил присяжных, что был вынесен вердикт "невиновен", едва ли не первый в то время на суде по обвинению в колдовстве. Примерно в десяти других процессах, проходивших перед Холтом с 1694 по 1701 год, результат был таким же. Дело Уэнхема, которое последовало в 1711 году, в достаточной степени продемонстрировало изменения, произошедшие в чувствах судей. На протяжении всего процесса верховный судья Пауэлл, кажется, открыто насмеялся над нелепостями, которые свидетели, и в особенности священнослужители, которых они допрашивали, пытались донести до присяжных; но, несмотря на все его усилия, приговор был вынесен в пользу заключенной. Однако, желая добиться ее помилования, показав, как далеко зашли предрассудки присяжных, он спросил, когда вердикт был вынесен, "признали ли они ее виновной по обвинению в разговоре с дьяволом в облике кошки?". Старшина ответил: "Мы признали ее

виновной в этом!" Почти нет нужды добавлять, что для нее было вытребовано помилование. И все же после всего этого в 1716 году миссис Хикс и ее *девятiletняя* дочь были повешены в Хантингдоне за то, что продали душу дьяволу и подняли бурю, сняв чулки и сделав из мыла мочалку!

Этим зверством завершается каталог убийств в Англии; уголовные законы против колдовства были отменены в 1736 году, и в будущем притворное занятие подобными искусствами наказывалось тюремным заключением и плетью. Однако дело Рекса *против* Уэлдона в 1809 году и еще более позднее дело Баркера *против* Рэя в Чансери (2 августа 1827 года) доказывают, что народная вера в подобные практики ничуть не угасла; и совсем недавно одна бедная женщина едва избежала гибели в результате возрожденного Хопкинсом испытания водой[35]. Баррингтон в своих комментариях к статуту 20 Генриха VI без колебаний оценивает число тех, кого предали смерти в Англии по этому обвинению, в 30 000 человек!

Теперь мы обратимся к Шотландии. Много света на подъем и прогресс, упадок и падение этого заблуждения в этой стране пролила ценная работа мистера Питкэрна[36], в которой содержатся выдержки из каждого процесса в высшем уголовном суде Шотландии: автор дал точное и подробное представление о процедуре рассмотрения каждого дела, сопровождая его полными выдержками из оригинальных документов, где они содержали что-либо интересное.

Пожалуй, ни в одной стране это мрачное суеверие не принимало более мрачного и кровавого характера, чем в Шотландии. Дикие, горные и пасторальные страны, отчасти из-за поразительных, разнообразных, а иногда и ужасных явлений, которые они представляют, отчасти из-за привычек и образа жизни, склонности к размышлениям и медитации, которые они создают и развивают, - всегда были великими прибежищами, в которых суеверия находили свою колыбель и дом. Нрав шотландцев, сочетающий размышления с энтузиазмом, их образ жизни в прежние времена, который среди периодической суеты диких и возбуждающих упражнений оставлял много промежутков душевного покоя в одиночестве, их ночные часы у пещеры на склоне холма, их неопределенный климат, солнечный свет, пар и буря - все это способствовало возвышению и сохранению того суеверного страха, с которым невежество смотрит на каждое необычное движение природы. С самого раннего периода шотландских летописей "все было *bot gaistis, and eldrich phantasie*"; метеоры и *aurore boreales*, преобладавшие в этом горном регионе, превращались в видения всадников, сражающихся в воздухе, или свечей с трупами, горящих на вершинах холмов[37]. Скелеты танцевали на бракосочетаниях наших королей как привычные гости[38]: призраки предупреждали их о возвращении с поля Флодденской битвы, а провидческие глашатаи возвещали с рыночного креста длинный список убитых.

"Фигуры, которые, казалось, поднимались и умирали,
Гибнут и знаменуют, движутся и летят,
Хотя ни ухо, ни глаз не могли
Ни звука, ни вида не различить;
И все же мрачно казалось, что там
Вестники и преследователи появляются,
С трубным звуком и ярким гербом,
Призыв возвестить".
Marmion, canto v.

Инкубы и суккубы бродили во всех направлениях с такой степенью уверенности и правдоподобия, которая могла бы обмануть самых избранных[39]; а нечестивые церковники были приведены в исполнение слышимыми голосами и под аккомпанемент грома перед небесным трибуналом [40]. Летопись тринадцатого века украшают подвиги трех волшебников, перед которыми Нострадамус и Мерлин должны склонить свои гребни: Томаса из Эрсильдуна, сэра Майкла Скотта и лорда Сулиса. Трамонтанская слава второго даже перешагнула Альпы, ибо Данте[41] отвел ему место в Аду, между Бонатто, астрологом Гвидо ди Монте-Фельтро, и Асденте Пармским.

Но до Реформации эти суеверные представления, хотя и были широко распространены, едва ли принимали форму, способную нарушить спокойствие общества. Хотя в некоторых случаях, когда предполагалось, что эти силы использовались в изменнических целях, ведьмы подвергались смертной казни[42], люди еще не считали необходимым, только из-за предполагаемого обладания такими силами или их благотворного использования, применять очищающую силу огня для искоренения беспорядка. Сэр Майкл и Ример жили и умирали мирно; а трагическая судьба тирана Соулиса на Девяти Стэйн Ригг была обусловлена не мнимым колдовством, осквернившим его замок Эрмитаж, а теми более явными злодеяниями, которые были продиктованы демоном его собственной злой совести и исполнены теми железными руками и железным сердцем, которые так легко вызываются простыми чарами феодального деспотизма.

С самого начала ведения записей шотландского судебного процесса и вплоть до правления Марии не было зафиксировано ни одного судебного разбирательства по обвинению в колдовстве. Хотя в деле несчастной графини Гламмис, казненной в 1536 году, во время правления Якова V., по обвинению в измене и заговоре с целью умерщвления короля с помощью яда, в обвинительный акт были брошены некоторые намеки на колдовство, вероятно, с целью возбудить народные предрассудки против той, чья красота и высокий дух сделали ее любимицей народа, очевидно, что на этом обвинении в действительности ничего не было основано.

Но с введением Реформации "*novus rerum nascitur ordo*". Далеко не избавившись от мрачных и кровавых суеверий, которые систематизировала и распространяла булла Иннокентия, немецкие реформаторы сохранили их, разрушив при этом всех остальных идолов, и двинулись

"В мрачном танце вокруг печи голубой".

заставляли даже детей проходить через огонь к Молоху. Их шотландские собратья, безоговорочно переняв вероучение своих континентальных прототипов, пересадили в нашу страну, почву, к сожалению, слишком хорошо подготовленную для такого семени, всю доктрину о видимой власти сатаны на земле, со всеми гротескными ужасами его торговли с человечеством. Помощь меча правосудия была немедленно признана необходимой для оружия духа; и стих Моисея, провозглашающий, что ведьма не должна оставаться в живых, был немедленно положен в основу Акта 73 девятого парламента королевы Марии, который ввел смертную казнь для ведьм или консультантов с ведьмами.

Последствия этого авторитетного признания вероучения колдовства стали очевидны уже в последующее правление Якова. Колдовство стало всеобъемлющей темой дня, и к обычному обвинению прибегали всякий раз, когда у одного человека была цель погубить другого, так же как и к некоторым другим преступлениям во времена правления Юстиниана и в течение четырнадцатого и пятнадцатого веков в Италии. В Шотландии это зло было не менее распространено в высших кругах, чем среди более скромных существ, которые, как правило,

были профессорами магического искусства. Между исполнителями и знатными покровителями (в основном, к сожалению, представительницами прекрасного пола), которым требовались их услуги, установились своеобразные отношения клиентуры. Леди Баклю из Бранксхольм-Холла, чьи заклинания послужили нашему северному волшебнику источником некоторых из его самых ярких картин, - графиня Атол, графиня Хантли, жена канцлера Аррана, леди Кер, жена Джеймса, магистра Запросов, графиня Лотиан, графиня Ангус (более удачливая в своем поколении, чем ее бабка леди Гламмис), - все они, если верить скандалу Скотстарвета, были либо покровителями ведьм, либо сами баловались этим искусством[43]. Даже сам Нокс не избежал обвинений в колдовстве; силу и энергию ума, которыми его одарило Провидение, враги Реформации приписывали более темному источнику. Его обвинили в том, что он попытался воскресить "некоторых святых" на церковном дворе Святого Андрея; но в ходе этого воскрешения восстал сам дьявол с огромной парой рогов на голове, при виде которого секретарь Нокса обезумел от страха и вскоре после этого умер. Мания достигла таких масштабов, что Скот из Скотстарвета упоминает, что сэр Льюис Баллантайн, лорд-судья Шотландии, "из любопытства договорился с колдуном по имени Ричард Грэхем" (тот самый человек, который фигурирует в суде над Элисон Бальфур как единомышленник Ботвелла), "чтобы тот воскресил дьявола, который, воскресив его в собственном дворе в Канонгейте, так напугал его, что он заболел и умер". Это было поистине "ошеломляющее состояние шотландских государственных деятелей", когда даже верховный уголовный судья Шотландии оказался во главе преступников. Любой несчастный преступник мог бы сказать вместе с Анджело

"Воры для своего грабежа имеют власть,
Когда судьи крадут сами".
Measure f. Measure, ii. 2.

На самом деле Церковь не была так глубоко вовлечена в процесс, как суд и зал правосудия; в деле Элисона Пирсона (1588) мы видим, как прославленный Патрик Адамсон, архиепископ Сент-Эндрюс, отбросив страх перед парламентским актом, снисходительно обращается к этому бедняге за зельем, чтобы излечить его от болезни!

Столь сильная и всеобщая вера не могла долго не проявляться в делах. В 1572 году появляется первая запись в Судебных записях о суде над Джанет Боуман, о котором не приводится никаких подробностей, кроме выразительного предложения "Осужден: и Брынт". За оставшийся период правления Якова (до 1625 года) в Судебном суде состоялось не менее тридцати пяти судебных процессов, почти все из которых закончились так же, как и в случае с Боуманом.

Два или три из них представляют особый интерес: один - из-за отличия его деталей от тех, которые обычно используются в процессах над ведьмами; другие - из-за высокого положения некоторых из тех, кто в них участвовал, и странных и почти необъяснимых масштабов заблуждения. Первый, на который мы ссылаемся, - это дело Бесси Данлоп[44], осужденной по ее собственному признанию; особенность этого дела в том, что вместо самого дьявола в собственном лице, духовные существа, с которыми мы знакомимся, - наши старые друзья феи, те самые милые эльфы, которых защищает Парацельс, а старый Обри с удовольствием почитает. Знакомым Бесси было существо, которое она называет Том Рид и которое она описывает в своей судебной декларации[45] как "честного пожилого человека, седого бердита, у которого был один серый халат с рукавами из старого фасона, одна пара серых бриджей и четвероногий шенкис с гартон на коленях". Их первая встреча произошла в тот момент, когда она шла на пастбище, "очень быстро плача по умершему королю, по мужу и ребенку, которые болели в земле (какая-то эпидемия того времени), а она

только что встала из гиссана (родильного дома)". Том, заботившийся о том, чтобы его характер открылся ей в благоприятном свете, укорил ее за недоверие к Провидению и сказал, что ее овца и ребенок умрут, но муж выздоровеет, что немного утешило ее. Однако его истинный характер проявился во время второго "прощения", когда он без обиняков призвал ее "отречься от своего христианства, отказаться от своего крещения и от веры, которую она приняла на улице у источника". Бедная ведьма ответила, что, "хотя ее будут рвать за конские хвосты, она никогда этого не сделает", но пообещала ему повиноваться во всем остальном, - квалифицированная уступка, с которой он довольно ворчливо удалился. Третье его появление произошло в ее собственном доме, в присутствии ее мужа и *трех* портных (трех!). К бесконечному ужасу этой троицы и грума, он взял ее за передник и вывел из дома к печному концу, где она увидела восемь женщин и четырех мужчин; мужчины были одеты по-джентльменски, а женщины - в пледах, и "очень приятно было смотреть". Они сказали ей: "Добро пожаловать, Бесси, не хочешь ли ты пойти с нами?", но поскольку она ничего не ответила на это приглашение, они, после какого-то разговора между собой, которого она не могла понять, внезапно исчезли, и "за ними последовал ужасный мерзкий ветер". После их ухода Том сказал ей, что "это были те самые страшные колдуны, которые одерживали победу при дворе Эльфаны", и что она должна была принять их приглашение. После этого ее посетила королева Эльфаны собственной персоной, которая снисходительно попросила у нее напиток и предсказала смерть ее ребенка и выздоровление мужа. Бедная Бесси использовала свои привилегии самым безобидным образом, ведь ее заклинания, похоже, были направлены на лечение, а не на убийство. Большинство статей ее обвинительного заключения касаются проведенных исцелений, и нет ни одного обвинения в том, что она использовала свои способности в злонамеренных целях. Однако, как обычно, она была осуждена и сожжена.

Очевидно, что это был чистый случай психического помешательства, но вскоре за ним последовал другой, более мрачный и сложный, в котором, если судить по главному действующему лицу, сомнительно, чтобы колдовские мумии были чем-то большим, чем просто спектакль в мрачной драме человеческих страстей и преступлений. Мы ссылаемся на судебный процесс над леди Фаулис и Гектором Манро из Фаулиса по обвинению в колдовстве и отравлении в 1590 году. Это один из тех случаев, которые с полным основанием можно было бы привести в поддержку того основания, на котором защищали суды над ведьмами Селден, Бейль и авторы "Энциклопедии", а именно: необходимость наказывать притязания на такие силы или веру в их существование с такой же строгостью, как если бы они были реальными. "Закон против ведьм, - говорит Селден, - не доказывает их существование, но наказывает злобу тех людей, которые используют подобные средства, чтобы лишить людей жизни. Если кто-то будет утверждать, что, повернув шляпу и крикнув "буз", он может лишить человека жизни, хотя на самом деле он ничего подобного сделать не может, все же это будет справедливый закон, принятый государством, что тот, кто трижды повернет шляпу и крикнет "буз", намереваясь лишить человека жизни, должен быть предан смерти". Мы вряд ли остановимся, чтобы разоблачить абсурдность этой доктрины Селдена в целом, которая таким образом делает волю универсально равной поступку; но когда мы читаем такие случаи, как случай леди Фаулис, нельзя в то же время отрицать, что власть, которую притворный профессор таких искусств таким образом получал над народным умом, и ослабление моральных принципов, которым оно естественно сопровождалось в самом человеке, делали его самым опасным членом общества. В целом профессия колдуна была связана с другими преступлениями и часто использовалась как прикрытие, с помощью которого они могли быть совершены с большей безопасностью и эффектом. Достаточно хорошо известны фильтры и любовные привороты Ла Вуазена и Формана, частный судебный календарь последнего, содержащий сведения о том, "какие дамы больше всего любят каких

лордов" (который Верховный судья благоразумно не разрешил читать в суде). Чары более отвратительного характера, похоже, поставлялись нашими собственными ведьмами, как в случае с Роем, судимым шерифом Перта в 1601 году[46], и в случае с Колхуном из Лусса, судимым за колдовство и кровосмешение в 1633 году, где инструментом соблазнения была драгоценность, полученная от некроманта. Короче говоря, везде, где нужно было осуществить какую-либо коварную цель, не требовалось ничего другого, как прибегнуть к помощи какой-нибудь известной ведьмы. В частности, в отравлении они были искусными адептами, что естественно было ожидать от силы, которую давало им осуществление их собственных пророчеств. В заключении эдикта Людовика XIV отравители и ведьмы классифицируются вместе, а судебные процессы в *Chambre Ardente* доказывают, что эти два ремесла, как правило, гармонично сочетались друг с другом. Наша миссис Тернер в Англии дает нам неплохой пример такого союза отравителя со сводницей и ведьмой, а о распространенности этой связи в Шотландии свидетельствуют подробности дела Роберта Эрскина из Дуна, дочери лорда Клифтонхолла Эуфемии Макалзеан и еще более необычный случай с леди Фаулис.

Целью заговорщиков в этом последнем случае было уничтожение молодой леди из Балнагауна, что позволило бы Джорджу Россу из Балнагауна жениться на молодой леди Фаулис. Но для того, чтобы получить право на наследство Фаулиса, если предположить, что союз состоится, требовалась более масштабная резня. На пути стояли пасынки леди Фаулис, Роберт и Гектор, со своими семьями, и их предстояло устранить. Кроме того, в обвинительном заключении ей вменяется в вину убийство более тридцати человек, включая ее собственную сообщницу, Кэтрин Росс, дочь сэра Дэвида Росса, которую она совратила в свои планы, женщину, очевидно, самого решительного нрава, обладавшую острым и проницательным умом; Есть основания сомневаться, что она верила в силу чар и колдовства, к которым прибегала, но, вероятно, считала, что, пользуясь услугами тех колдуний, которых она нанимала, более благоразумным будет позволить им разыгрывать свои фокусы по-своему, в то время как она сочетала их с более эффективными человеческими средствами. Соответственно, работа по уничтожению началась с обычного заклинания - сделать две глиняные картинки, изображающие предполагаемые жертвы; но вместо того чтобы подвергнуть их огню или закопать вниз головой, картинки повесили на северной стороне комнаты, и леди со своими подручными выпустила в них несколько стрел, обутых в головки эльфийских стрел, но безрезультатно. Хотя леди Фаулис отдала приказ подготовить две другие картины, чтобы возобновить попытку, она, похоже, сразу же прибегла к более решительным мерам и подключила к своим планам Кэтрин Росс и ее брата Джорджа. Первым составом, приготовленным для ее жертв, был полный отравленного эля, но он закончился в процессе изготовления. Тогда она приказала приготовить "свинью с более сильным ядом, который убьет в ближайшее время", и отправила ее через свою кормилицу молодому лэрду Фаулису. Однако провидение вновь защитило его: "свинья" упала и разбилась о дорогу, а кормилица, не удержавшаяся от соблазна попробовать содержимое, поплатилась за свое любопытство жизнью. Зелье было настолько едким, что сама трава, на которую оно упало, была уничтожена. Однако ничто не могло заставить леди Фаулис отказаться от своей цели. Подобно миссис Тернер, которая лечила Овербери поочередно пауками, кантаридами и мышьяком, чтобы "поразить его цвет лица", она теперь приступила к испытанию действия "ratton royson" (крысиной травы), несколько доз которой она, кажется, ввела молодому лэрду "в яйцах, броварах или капусте", но все равно безрезультатно, его конституция, очевидно, оказалась слишком сильной для них. Однако с невесткой, своей женской жертвой, она добилась большего успеха. Приготовленный для леди Бальнагаун "раттон пуасон" она ухитрилась с помощью одной из своих вспомогательных ведьм подмешать в блюдо с почками, которым ужинала леди Бальнагаун и ее компания; эффект

был настолько сильным, что даже тот негодяй, которому его вводили, отвратился от этого зрелища. Однако на момент суда несчастная леди, судя по всему, была еще жива. Наконец леди Фаулис была задержана на основании признания нескольких ведьм, которых она нанимала, и более одной из которых были казнены до того, как состоялся ее собственный суд. В конце концов, процесс закончился оправдательным приговором, результат которого можно объяснить только тем, что присяжные, очевидно, были собраны и состояли в основном из иждивенцев домов Манро и Фаулис.

Однако на этом сцена *диаблеры* и отравления не закончилась. Теперь выяснилось, что мистер Гектор, одна из предполагаемых жертв мачехи, сам был главным исполнителем колдовского заговора, направленного против жизни его брата Джорджа. В отличие от своей более энергичной мачехи, доверчивой до последней степени, он, похоже, был полностью подконтролен ведьмам, которыми был окружен, и которые изводили и пугали его страшными предсказаниями и всевозможными жуткими представлениями. Судя по всему, он не был злым человеком от природы, поскольку те же самые ведьмы, которые впоследствии вступили с ним в союз против жизни Джорджа, советовались с ним, чтобы вылечить его старшего брата Роберта, после смерти которого он должен был наследовать поместье. Но, будучи охваченным затяжной болезнью и получив от своих знакомых указание на то, что единственный шанс восстановить здоровье - это смерть брата, он, похоже, спокойно предал его смерти, руководствуясь сильным инстинктом самосохранения. Чтобы избежать подозрений, было решено, что его смерть должна быть долгой и постепенной, и колдунья, которая, похоже, была так же уверена в точности своих расчетов, как и знаменитая изобретательница *poudre de successions*, заверила жертву до 17 апреля следующего года. Следует признать, что последовавшие за этим заклинания были вполне рассчитаны на то, чтобы произвести сильный эффект, как моральный, так и физический, на слабое и доверчивое существо, на котором они были разыграны. Вскоре после полуночи в январе ведьмы покинули дом, в котором в то время лежал больной мистер Гектор, и прошли к участку земли, лежащему между землями двух феодальных владык, где вырыли большую могилу. Гектора Манро, завернутого в одеяла, вынесли на руках, причем носильщики все время оставались немymi, и молча положили в могилу, обложив дерном и придавив шестью. Его приемной матери, Кристиане Нилл, было приказано пробежать в ширину девять риггов, а вернувшись к могиле, спросить у главной ведьмы, "кого она выбрала". Она ответила, что мистер Гектор - ее выбор, чтобы жить, а его брат Джордж - чтобы умереть за него. Трижды повторив эту церемонию охлаждения, пациент, замерзший от холода и ужаса, был перенесен обратно в постель. Ведьмы мистера Гектора оказались более успешными, чем колдуньи, которых нанимала его мачеха. Джордж умер в апреле, как и было предсказано, несомненно, от других чар, а не от силы симпатии, а Гектор, похоже, выздоровел. Однако на суде над ним, как и над леди Фаулис, присутствовали избранные присяжные, и ему посчастливилось быть оправданным.

Едва успело утихнуть волнение, вызванное этими процессами, как общественное мнение вновь было смущено новой, более масштабной и почти необъяснимой сценой чародейства, направленной против жизни Якова и его королевы в 1591 году.

Первый намек на эти странные действия, которые впоследствии были раскрыты, был получен из признаний девушки по имени Гелли, или Геллис Дункан, служащей заместителя судебного пристава Транента. Некоторые внезапные исцеления этой девушки и другие подозрительные моменты в ее поведении привлекли внимание ее хозяина, и он, с похвальной тревогой за открытие истины, "с помощью других мучил ее пыткой *pilliewinkis* [разновидность винта] на пальцах, что является ужасной болью, и связывал или сворачивал

ей голову шнуром или веревкой, что также является жесточайшей пыткой[47]". Но, несмотря на эти убедительные заявления, признания добиться не удалось. Наконец кто-то из операторов предположил, что ее молчание объясняется тем, что она была помечена дьяволом, и при тщательном осмотре метка была обнаружена на передней части горла. Не успели ее обнаружить, как чары разрушились: она призналась, что все ее исцеления происходили с помощью дьявола, и продолжила рассказывать о степени своей вины и количестве сообщников, которые затмевают все предыдущие "открытия колдовства", которыми нас снабдили криминальные хроники до этого времени. Тридцать или сорок различных лиц, некоторые из которых, как отмечается в памфлете, были "такими же гражданскими честными женщинами, как и все, кто жил в городе Эдинбурге", были обличены ею и немедленно задержаны по ее признанию. Этот список не ограничивался низшими слоями общества, из которых обычно выбирали жертв для этого суеверия; среди тех, кого задержали по доносу Дункан, была Евфимия Макалзеан, дочь лорда Клифтонхолла, одного из сенаторов Коллегии правосудия.

Разбираться в широком поле колдовства, которое открывалось перед ним благодаря признаниям обвиняемых, последовательно подвергавшихся допросу, было занятием, весьма подходящим для доверчивого ума Джеймса, склонного ко всяким суевериям и сведущего во всех традиционных преданиях Шпренгера и Бодинуса. День за днем он лично присутствовал на допросах, приходил в "дивное восхищение" от каждой новой черты гротескного ужаса, которую раскрывали их признания, и даже довел свое любопытство до того, что послал за самой Гелли Дункан, которая, согласно признанию другой ведьмы, Агнес Сэмпсон (мудрой жены Кита), играла на дудочке или танце перед ведьмами, когда они шли процессией на встречу с дьяволом в кирхе Северного Бервика, чтобы он сам мог послушать этот адский воздух - "и по такой же дудочке играла упомянутый танец перед королевским величеством, который, учитывая странность этих дел, с большим удовольствием присутствовал на этих экзаменах".

Однако все эти разоблачения, как можно предположить, не обошлись без обильного применения обычного в таких случаях средства принуждения - пыток. Главным страдальцем стал некто Кунингем, фигурирующий в судебных процессах под именем доктора Фиана, школьного учителя близ Транента, человека, по-видимому, беспутного, хотя, как явствует из его поведения на этом допросе, также отличавшегося необыкновенной силой духа и твердостью нервов. Его допрашивали, *"во-первых"*, оттягивая голову веревкой, но он ни в чем не признался; *"во-вторых"*, его убеждали *честными средствами* признаться в своей глупости" (разве не было бы так же естественно сначала попробовать честные средства?), но и это мало что дало; наконец, его подвергли самой жестокой и тяжелой в мире пытке, называемой "сапог"[48], и после того, как он получил три удара, его спросили, признается ли он в своих проклятых деяниях и порочной жизни, его язык не давал ему говорить". Когда его освободили от этого орудия пытки, он, по-видимому, под влиянием агонии, вызванной им, подписал признание, включающее не только предполагаемые обвинения в заговоре против короля с помощью колдовства, но и множество подробностей, касающихся его собственной жизни и разговоров, отнюдь не назидательного характера.

Однако вес, который следовало придать этому признанию, вскоре стал очевиден из того, что за ним последовало; Фиан, которого вернули в тюрьму и который в течение дня или двух казался "очень одиноким" и раскаявшимся, в течение следующей ночи сумел совершить побег, а при повторном задержании и повторном допросе счел нужным, к великому огорчению Якова, отрицать все обвинения, которые он ранее признал. "После этого королевский величество, видя его упрямое своеволие, прописал следующее средство от его

рецидива. "Его грифели на пальцах были разорваны и стянуты инструментом, который по-шотландски называется "туркас"[49]. А под каждый наил втыкали по две иглы до самой головы. Несмотря на все эти мучения, доктор ни разу не сморщился и не признался бы тем скорее за все причиненные ему пытки. Затем его *со всей возможной быстротой* по приказу снова препроводили к мукам в сапогах, где он пробыл долгое время и перенес в них столько ударов, что его ноги были раздавлены и сбиты вместе, *насколько это было возможно*, а кости и плоть так измяты, что кровь и костный мозг вытекали в большом количестве, и таким образом они навсегда пришли в негодность".

Доктор, как видно, недолго нуждался в их услугах; но независимо от того, было ли его признание получено честным путем или нечестным, оно определенно имеет столь поразительное сходство с признанием главной ведьмы, Агнес Сэмпсон, женщины, которую Споттисвуд описывает как "похожую на матрону, серьезную и спокойную в своих ответах", что вряд ли стоит удивляться тому, что суеверный ум Джеймса был сбит с толку таким совпадением. Ничто, в сущности, не может превзойти общую гармонию рассказов разных ведьм об их действиях, кроме смехотворного и в то же время ужасного характера происшествий, которые они описывают и которые вполне могли бы вызвать даже у самого Джеймса замечание, которое он, похоже, сделал в начале процесса, что все они были "крайними лиарами".

Джеймс, судя по его необыкновенному благочестию и активной борьбе с сатаной и его невидимым миром, которую он предпринял задолго до написания "Демонстрации", с самого начала был очень неприятен своим земным слугам. Однажды, когда на его жизнь было совершено неудачное покушение, изверг заявил (хотя мы не понимаем, почему шотландский дьявол должен говорить по-французски), что не имеет над ним власти, добавив: "Il est homme de Dieu[50]". Визит, который в порыве романтической галантности он нанес в Норвегию, чтобы привезти свою королеву, был слишком благоприятной возможностью для орудий Сатаны, чтобы им можно было пренебречь; и, соответственно, конклав постановил, что следует приложить все усилия, чтобы поднять такую бурю, которая безошибочно положит конец величайшему врагу (как сам Сатана доверительно признался одной из ведьм), которого Дьявол когда-либо имел в мире. Поэтому приготовления начались с должной торжественностью. В первую очередь Сатана взялся поднять туман, чтобы посадить короля на мель у английского побережья, но, посчитав, что необходимы более активные меры, доктор Фиан, секретарь дьявола, или реестр, как его называют на протяжении всех этих процессов, направил письмо выдающейся ведьме Марион Линкап и другим членам сестринства, предписывая им в течение пяти дней встретиться своим хозяином на море, чтобы уничтожить короля[51]. В канун Дня всех праздников infernalная партия, числом около двухсот человек, отправилась в путь, "каждый в загадке или сите, и отправилась в одно и то же весьма существенное место". На какой широте они встретили Сатану, не сообщается, но после некоторого плавания он появился и передал Роберту Грирсону кошку, которую, судя по всему, предварительно девять раз провели через решето[52], дав слово "бросить ее в море! Hola!" И это знаменательное очарование не осталось без последствий: Джеймс, чей флот в это время очищал датское побережье, впоследствии заявил, что только на его корабле ветер был встречным, а на всех остальных судах - попутным.

Покончив с заклинанием на воде, ведьмы высадились на берег и, подкрепившись вином, которое они пили из тех же сит, в которых до этого так "основательно" плавали, двинулись процессией к кирхе Северного Бервика, которая была назначена местом встречи с хозяином. Компания превышала сто человек, из которых тридцать два были перечислены в

исповеди Агнес Сэмпсон. Перед ними выступила Гелли Дункан, сыграв на еврейской арфе следующую частушку:

"Каммер, уходи раньше, Каммер, уходи раньше,
Если ты не пойдешь раньше, Каммер, позволь мне!"

Здесь их хозяин должен был предстать в образе проповедника, который в Шотландии встречается реже, чем на континенте. Доктор Фиан, который в качестве дьявольского регистратора руководил церемониями в кирхе, *взорвал* двери и задул лихты, похожие на черные свечи, торчащие вокруг кафедры, а другой участник, Грей Мейл, исполнял обязанности привратника. Внезапно на кафедру взошел сам дьявол, одетый в черную мантию и шляпу. В описании его внешности, приведенном в "Мемуарах" сэра Джеймса Мелвилла, есть что-то от силы и живописности Данте. "Тело его было твердым, как думали те, кто с ним обращался; лицо его было ужасным, нос - как бек эгля, а глаза - как губы" (*occhi di bragia*); "руки и ноги у него были травяные, с когтями на кистях, а тело - как у грифона, и говорил он нечеловеческим голосом". Сначала он объявил список прихожан, на который каждый ответил по имени; затем он спросил их, хорошо ли они служили, что делали с тех пор, как собирались в последний раз, и каков был успех их заклинаний против короля. Грей Мейл, привратник, который имел неосторожность заметить, что "королю пока ничего не угрожает, слава Богу", был вознагражден за это *злополучное* замечание сильным ударом. Затем дьявол продолжил увещевать их соблюдать его заповеди, которые сводились к тому, что они должны делать все возможное зло; когда он покинул кафедру, вся община, мужчины и женщины, отдала ему честь, приветствуя его способом и манерой, которые мы должны оставить тем, кто интересуется подобными церемониями, чтобы выяснить это из оригинального обвинительного акта.

Такова странная история, в которой сходятся все преступники, допрошенные перед Яковом и Советом; и, несомненно, необычное совпадение их рассказов и по сей день остается одной из самых сложных проблем в философии шотландской истории. Судьба несчастных, признавшихся в этих преступлениях, в тот век легковерия не могла вызывать ни малейших сомнений. Фиан, для которого после нечеловеческих пыток, которым он подвергся, жизнь не представляла особой ценности, был осужден, задушен и сожжен. Агнес Сэмпсон постигла та же участь. Барбара Напьер, еще одна особа, присутствовавшая на съезде, хотя и была оправдана по этому обвинению, была осуждена по другим пунктам обвинения в колдовстве; но так сильно был возбужден разум Джеймса, что, хотя он и добился осуждения против нее, он фактически привлек ассиз к суду за умышленную ошибку в оправдании ее по этому пункту диттей.

Но самой выдающейся жертвой, связанной с этой сценой колдовства, стала Эуфемия Макалзеан, дочь видного судьи, лорда Клифтонхолла, женщина сильного ума и развратных страстей, преданная приверженка римско-католической веры, сторонница Ботвелла (которого несколько ведьм обвиняли в причастности к этим практикам против жизни короля), решительный враг Якова и реформаторской религии. Каковы бы ни были точные масштабы колдовских познаний этой леди, не подлежит сомнению, что она поддерживала самые близкие отношения с брошенными несчастными обоих полов, претендующими на колдовство, и что она неоднократно прибегала к их помощи, пытаясь убрать с дороги людей, которые были ей неприятны или стояли на пути потакания ее страстям. Число колдовств, отравлений и попыток отравления, предъявленных ей в обвинительном заключении, почти соперничало с обвинениями против Бринвилье; и хотя присяжные оправдали ее в некоторых из них, они осудили ее за участие в убийстве ее собственного крестного отца, племянника ее мужа и Дугласа из Пеннфрастоуна; кроме того, она присутствовала на съезде в Северном

Бервике и различных других собраниях ведьм, на которых была подстроена смерть короля. Ее наказание было самым суровым из всех, что мог вынести суд: вместо обычного приговора, предписывающего сначала задушить ее на костре, а затем сжечь, несчастную женщину обрели на то, чтобы "привязать к колу и сжечь в асисе, *быстро*, до смерти", и эту участь она перенесла с величайшей стойкостью 25 июня 1591 года. Эти сцены произвели столь глубокое и неизгладимое впечатление на сознание короля, что именно им мы обязаны подготовкой парламентского акта о форме процесса против ведьм, упомянутого среди ненапечатанных актов за 1597 год, и более непосредственным написанием этого выдающегося труда шотландского Соломона, "Dæmonologie".

В процессах над Бесси Рой, Джеймсом Ридом, Патриком Карри, Изобель Гриерсон и Гризель Гардинер[53] обвинения в основном сводятся к снятию и наложению болезней на людей или скот; встречам с дьяволом в различных формах и местах; поднятию и расчленению мертвых тел с целью зачарования; уничтожению урожая; запугиванию честных людей в виде кошек; отнятию женского молока; взлому домов и воровству с помощью зачарования и т. д. Для излечения использовали воду с юга, соль, рябину, заколдованные камни (вероятно, головки эльфийских ворон) и стихи из песнопений (обычно перевод Символа веры или молитвы Господней). Болезни накладывали, формируя изображения из глины или воска, которые клали перед огнем или закапывали вниз головой; помещая мертвую руку или какой-нибудь изуродованный член в дом предполагаемой жертвы; или, как в случае с Гриссоном, более простым способом - бросив заколдованный кусок говядины в дверь. При этом не имело значения, во благо или во зло использовались предполагаемые силы ведьмы. В случае с Гривом против него не было выдвинуто никаких обвинений в злодеянии (если использовать технический термин), а просто в том, что он вылечил болезни с помощью чар; то же самое было и в случае с Элисон Пирсон; но оба были казнены. Барти Патерсон, похоже, был самым благочестивым из колдунов, поскольку его пациенты, помимо его рецептов, неизменно получали указания "просить здоровья у всех живых и неживых на земле или под землей, во имя Иисуса". Суд над Робертом Эрскином из Дуна, хотя и был приведен в качестве обвинения в колдовстве, кажется, был простым случаем отравления: он просто прибежал к услугам известной ведьмы по имени Маргарет Ирвин, чтобы получить травы, которыми он отсылал своих племянников. Дело Маргарет Уоллес, произошедшее в конце правления Якова, заслуживает внимания как первое, где было сделано что-то вроде стойки против некоторых фундаментальных позиций демонологов; адвокат заключенной решительно выступал против доктрины, согласно которой в случае обвинения в колдовстве каждое совершенное ею исцеление должно было быть списано на действия дьявола. Однако защита, несмотря на то, что она была проведена умело, оказалась безуспешной.

В таком же состоянии дела продолжались и во время правления Карла I. С 1625 по 1640 год в "Записях" есть восемь записей о судебных процессах по обвинению в колдовстве, один из которых, дело Элизабет Батгейт, примечателен тем, что за ним последовал оправдательный приговор. В деле Кэтрин Освальд[54] адвокат осужденной имел смелость утверждать, что не следует доверять признаниям других ведьм, которые поклялись, что присутствовали с осужденной на некоторых из их оргий; "ибо все юристы согласны, - утверждал он, - что они не переносятся на самом деле, а только в своих фантазиях, во время сна, когда им иногда снится, что они видят там других". Однако эти рассуждения, похоже, не произвели на присяжных никакого впечатления, как и доводы в деле Янг[55] о том, что остановка мельницы, в которой ее обвиняли *двадцать девять лет назад* с помощью колдовства, могла быть следствием естественных причин. Около половины приговоров, вынесенных за этот период, основываются на судебных признаниях; добровольных или вырванных, не известно. В целом они не представляют интереса, хотя некоторые детали процесса над

Гамильтоном[56] несколько отличаются от обычной рутины процессов над ведьмами того времени. Встретившись с дьяволом на Кингстонских холмах в Восточном Лотиане, искуситель убедил его отречься от крещения - отступничество, за которое он получил всего четыре шиллинга. Далее дьявол велел ему использовать следующее вежливое наставление, когда он захочет воскресить его, а именно: трижды ударить палкой по земле и сказать: "Встань, поганный вор!". С другой стороны, поведение дьявола по отношению к нему было столь же бесцеремонным; однажды, когда Гамильтон не выполнил назначенного ему задания, он сильно отлупил его дубинкой.

Однако ближе к концу царствования сцена омрачается все большим господством пуритан. В 1640 году Генеральная ассамблея приняла закон, согласно которому все священнослужители должны были обращать особое внимание на ведьм и заклинателей, а комиссары должны были рекомендовать верховной судебной власти неукоснительно применять против них законы. В 1643 году (19 августа), указав на рост преступности, они рекомендовали предоставить постоянное поручение Тайного совета или судебной власти любым "понимающим джентльменам или магистратам" для задержания, суда и исполнения правосудия над преступниками. К этому вопросу возвращались в 1644, 1645 и 1649 годах; и, судя по всему, их напоминания не остались безрезультатными, поскольку в 1649 году, на следующий год после казни Карла, был принят парламентский акт, подтверждающий и расширяющий положения закона королевы Марии, чтобы более эффективно охватить консультантов с ведьмами, в отношении которых считалось (хотя мы не понимаем, почему), что условия прежнего акта были несколько двусмысленными. С этого времени не только увеличивается число приговоров, которое после смерти Якова пошло на спад, но и особенности дел приобретают более глубокий оттенок ужаса. Старые, невозможные и отвратительные фантазии "Маллеуса" были возрождены в процессах Джанет Баркер и Маргарет Лаудер[57], которые удивительным образом совпадают с некоторыми доказательствами на процессе Мора. В период между этой последней датой и Реставрацией зафиксировано около тридцати судебных процессов, из которых только один закончился оправданием; в то время как в одном окружном суде, состоявшемся в Глазго, Стирлинге и Эйре в 1659 году, семнадцать человек были осуждены и сожжены за это преступление.

Как бы ни были многочисленны дела в Судебных записях, следует иметь в виду, что они дают крайне неадекватное представление о масштабах распространения этого вредителя в стране. Хотя сэр Джордж Маккензи сомневается в том, что в силу общих полномочий, предоставленных актом 1563 года, нижестоящие судьи в любое время по собственной инициативе рассматривали и осуждали преступников, обвиненных в колдовстве, та же цель достигалась иным способом. Юстицкому суду не терпелось избавиться от юрисдикции, которая сама по себе давала им достаточно работы; и Тайный совет прибег к выдаче поручений джентльменам-резидентам и министрам, чтобы те допрашивали, а затем судили и казнили ведьм по всей Шотландии; этих поручений было так много, что Уодроу выражает удивление по поводу их количества, обнаруженного в реестрах. По этим поручениям было сожжено множество людей во всех частях королевства". В "Рукописном дневнике" Мерсера, "Дневнике" Ламонта и "Мемориалах" Уайтлока постоянно встречаются случайные упоминания о количестве сожженных.

В каждом подобном случае, судя по всему, духовенство проявляло самое неистовое рвение. Именно к ним в первую очередь приводили на экспертизу несчастных, "уличенных" в колдовстве, - в большинстве случаев после подготовительного курса одиночного заключения, холода, голода, недосыпания или настоящих пыток. В некоторых случаях священнослужители сами исполняли роль колющих и втыкали длинные булавки в плоть

ведьм, чтобы испытать их чувствительность; и во всех случаях они старались путем самых настойчивых расследований добиться от обвиняемых признания, которое впоследствии могло быть использовано против них на суде, и которое в более чем одном случае, даже если от него отказывались, было единственным доказательством, на основании которого выносился приговор. В некоторых случаях, когда преступница обвинялась в том, что она была "привычкой и репутацией ведьмы", известность ее характера доказывалась в Судебном суде присягой священника, так же как в настоящее время привычка и репутация доказываются в делах о краже присягой полицейского.

Хотя можно сказать, что прилив и отлив народных заблуждений в отношении этого преступления произошел во время правления Карла II, его открытие было, пожалуй, более кровавым, чем у любого из его предшественников. В первый год после Реставрации (1661) около двадцати человек были осуждены Судебным судом, двое из которых, хотя и были оправданы на первом процессе, были осуждены на втором по новым обвинениям. Ламонт отмечает количество казненных по всей стране. За один день (7 ноября 1661 года) Тайный совет, по-видимому, выдал четырнадцать поручений о проведении судебных процессов в провинциях. О количестве безымянных несчастных, умерших и не подавших никакого знака, от рук тех "понимающих джентльменов" (как их называет увертюра Генеральной Ассамблеи), которым были даны поручения, теперь почти невозможно строить предположения. Однако, говоря о ходе процедуры в таких случаях, мы можем сослаться на некоторые необычные рукописи, касающиеся допроса двух признавшихся ведьм в Морайшире в 1662 году, хранящиеся в семье Роуз из Килравока; тем более что содержащиеся в них подробности, как по своей миниатюрности, так и по беспрецедентной необычности содержания, гораздо более поразительны, чем все, что можно найти в судебной документации этого времени.

Этих сумасшедших красавиц звали Изобель Гоуди и Джанет Брейдхед. Сохранились два допроса последней; первая, похоже, была четырежды допрошена в разные дни между 13 апреля и 27 мая 1662 года перед шерифом и несколькими джентльменами и священниками из окрестностей; на одном из них есть пометка заместителя судьи Колвилла: "Прочитав и рассмотрев исповедь Изобел Гоуди, в которой содержатся, в частности, пакости Сатану, отказ от крещения и различные пороки, я нахожу, что комиссия может быть весьма справедливо дана для ее последнего суда. Колвилл[58]". Признания написаны рукой нотариуса и подписаны всеми присутствующими священнослужителями, джентльменами и другими свидетелями; как, по-видимому, и было принято в тех случаях, когда предчувствия должны были быть переданы в судебные органы, с целью получения комиссии для рассмотрения и наказания преступления. Каков был результат "последнего суда" над Изобель Гоуди, легко предположить, исходя из характера ее признаний.

"Non ragioniam di lor, ma guarda, e passa".

Хотя ее допрашивали в четырех разных случаях, через значительные промежутки времени, и она, несомненно, находилась в одиночном заключении в это время, рассказы Гауди о всей жизни и разговорах ведьм, к которым она принадлежала, настолько подробны и неизменны, что из ее признаний можно составить довольно полный свод inferнальных наук. Отчетливость, с которой видения, похоже, преследовали ее, последовательность, которую они приняли в ее собственном сознании, и в то же время немыслимая абсурдность и чудовищность этих концепций, многие из которых мы даже не можем упомянуть, вносят важнейший вклад в историю ипохондрического помешательства.

Ее посвящение в слуги дьявола произошло в кирке Аулдеарн, где она была крещена им с именем Джанет, при этом ее держал спутник, а дьявол высасывал кровь из ее плеча[59].

Шайка или ковен, к которому они принадлежали, состояла из тринадцати человек (чьи имена она перечисляет, и некоторые из них, похоже, были задержаны после ее заблуждения), что является обычным числом шабашей. В каждом из них есть офицер, чьей обязанностью является повторять за Сатаной имена участников; а дева, которая, как кажется, имеет власть над женщинами и является особой любимицей дьявола, ставится по правую руку от него на пирах. Ежеквартально происходит грандиозное собрание шабашей, когда дается бал. У каждой ведьмы есть "спрайт", который ее подстерегает: одни появляются "в печальном темном, другие в травяном зеленом, третьи в морском зеленом, четвертые в желтом". В ковене Гауди были: "Роберт Джейкс, Сандерс Рид-Ривер, Томас Фея, Свейн Ревущий Лев, Адский Вор, ждущий себя, МакГектор" и так далее. Некоторые из этих духов, судя по всему, не были высокого мнения об Изобел; так, Роберт Джейкс, по ее словам, был преклонного возраста и казался "гоукит глайкит духом". Каждая из ведьм тоже получила прозвище, под которым их обычно знали[60]. У самого Сатаны было несколько духов, которые подстерегали его; "иногда у него на ногах были сапоги, иногда туфли, но все равно ноги у него вильчатые и перепончатые". Ведьмы, судя по всему, иногда допускали значительные вольности в отношении его характера, и в таких случаях Сатана, обнаружив клевету, бил провинившихся "вверх и вниз, как голых гаистов", палкой, как Харон бьет веслом голых духов в "Преисподней". Однако с колдунами ему было гораздо легче справиться, чем с представительницами прекрасного пола (Cant, iii.). "Александр Элдер, - говорит признавшаяся ведьма, - был мягким, не умел защищаться и только и делал, что жадничал и плакал, пока он бичевал его; но Маргарет Уилсон из Олдеарна прекрасно защищалась и поднимала руки, чтобы укрыться от ударов, а Бесси Уилсон говорила на своем языке жестко, и снова крепко била его".

Развлечения и занятия ведьм описаны с той же твердостью и мельчайшей прорисовкой. Когда дьявол назначает адскую диету, ведьмы оставляют после себя в постели бесовку или трехногий табурет, который принимает их форму до возвращения, что в точности соответствует испытаниям Мора. Отправляясь на место, где им предстоит работать, они либо принимают облик кошки, зайца и т.д., либо, встав на кукурузную или бобовую соломинку, произносят следующие заклинания

"Лошадь и хатток, лошадь и иди,
Horse and pellats, ho! ho!"

они несутся по воздуху к месту назначения. Если кто-то увидит эти соломинки в движении и "не освятит себя", ведьмы могут застрелить его. Этот подвиг они совершают с помощью голов эльфов-стрел, которые изготавливает сам Сатана, и его помощников - мальчиков-эльфов, которые, подобно скандинавским троллям, описываются как маленькие горбатые существа, говорящие "goustie like" (хрипловато); каждая ведьма получает от Сатаны определенное количество этих "Freischütze". Ведьма приводит список из сорока или пятидесяти человек, уничтоженных ею и ее подручными с помощью этих средств; она также упоминает, что совершила неудачную попытку покушения на жизнь мистера Гарри Форбса, священника Олдарна, одного из свидетелей, присутствовавших при этом и подписавших ее признание.

Еще одна попытка покушения на жизнь этого священника описана очень наглядно. В качестве орудия преступления был использован "мешок, сделанный из плоти, кишок и желудков жаб, печени зайца, соленых огурцов кукурузы, обрезков ногтей, ступней и пальцев ног", который варился всю ночь и был смешан *secundum artem* самим Сатаной, было освящено заклинанием, продиктованным Сатаной, и повторено ведьмами, "стоящими на коленях, с волосами до плеч и глаз, поднявшими руки и пристально смотрящими на дьявола,

чтобы он уничтожил упомянутого мистера Гарри". Гарри". Эту композицию одна из ведьм, пробравшаяся в покои священника, попыталась обрушить на него, но ей помешало присутствие в комнате других святых людей. Другой подобный состав, предназначенный для уничтожения лэрдов Парка и Лохлая, был более успешным, как следует из показаний другой ведьмы, Джанет Брейдхед. Приготовив яд, "они пришли в Иншок ночью и разбросали его вверх и вниз, над и около ворот, и в других местах, где чаще всего появлялись лэрды и их сыновья. И тогда мы, в подобии воронов и грачей[61], встали над воротами и на деревьях напротив ворот. Это было сделано для того, чтобы, если кто-либо из них коснется или потопчется по чему-либо из этого, а также чтобы это или что-либо из этого упало на них, это должно было поразить их нарывами и убить их, *что и произошло, и они вскоре умерли*. Мы сделали это, чтобы сделать этот дом без наследников".

Нет необходимости продолжать эти странные подробности, которые, однако, являются ценным приложением к записям того времени.

Похоже, что после 1662 года жестокость этого популярного бреда стала ослабевать. Прошло уже шесть лет без суда за это преступление, в то время как, согласно записям, Джеймс Уэлш[62] был приговорен к публичному бичеванию за обвинение нескольких человек в этом преступлении, - судьба, которая вряд ли могла постигнуть его за несколько лет до этого. Фаунтейнхолл, рассказывая о деле десяти бедных женщин, осужденных по их собственному признанию в 1678 году[63], явно говорит об этом деле с большими сомнениями и колебаниями. А сэр Джордж Маккензи в своем "Уголовном праве", первое издание которого появилось в том же году, хотя и не осмеливается отрицать существование преступления или целесообразность наказания за него, излагает многие принципы, весьма несовместимые с практикой предыдущего века. "Из ужасности этого преступления, - говорит он, - я делаю вывод, что из всех преступлений оно требует наиболее четкого обоснования и наиболее убедительной доказательной базы; и я осуждаю, наряду с самими несчастными, тех жестоких и слишком бесцеремонных судей, которые сжигают людей тысячами как виновных в этом преступлении". И соответственно, действуя по этим гуманным и осторожным принципам, сэр Джордж в своем отчете судьям в 1680 году, касающемся ряда лиц, находившихся в то время в тюрьме за это преступление, заявил, что их признания были получены под пытками и что, похоже, против них не было других доказательств, на основании которых они были отпущены на свободу. "С тех пор, - добавляет лорд Ройстон, - ни в этом суде, ни в каком-либо другом, о котором мне известно, не было ни одного процесса по этому преступлению, кроме одного в Пейсли по поручению Тайного совета в 1697 году". Это замечание лорда Ройстона не совсем верно. Суд в Пейсли, на который он ссылается, - это, очевидно, известное дело ведьм Ренфрушира, рассмотренное по обвинению в колдовстве девушки по имени Кристиана Шоу, дочери Шоу из Баргаррана. Судя по всему, обвинение было вынесено в основном на основании показаний самой девушки, которая в присутствии членов комиссии разыграла серию экстазов и судорожных припадков, похожих на те, которыми монахини из Лаудона за столетие до этого решили судьбу Грандье. В этом зверском деле комиссары (в отчете, представленном ими Тайному совету 9 марта 1697 года) сообщили, что в колдовстве подозреваются двадцать четыре человека, мужчины и женщины; и среди них, надо заметить, девочка четырнадцати лет и мальчик не старше двенадцати лет. После этого мы почти удивлены тем, что из примерно двадцати осужденных казнены были только пятеро. Они были сожжены на зеленом поле в Пейсли. Последним процессом в Судебном суде был процесс над Элспет Рул, который рассматривался лордом Анструтером в округе Дамфрис 3 мая 1708 года, где заключенная, хотя и была осуждена большинством голосов, была просто приговорена сожжению за щеку и пожизненному изгнанию из Шотландии. Последней казнью, которая состоялась, была казнь старой

женщины из прихода Лот, казненной в Дорнохе в 1722 году по приговору заместителя шерифа Кайтнесса, капитана Дэвида Росса из Литтл-Дина. "Говорят, что когда ее вывели для казни, а погода была очень суровой, она спокойно сидела, греясь у огня, пока готовились другие орудия смерти!"

Так закончилась в Шотландии трагическая часть истории колдовства. В 1735 году, как уже говорилось, уголовные законы были отменены; к большому раздражению сецессионеров, которые в своем ежегодном признании национальных грехов, напечатанном в акте их ассоциированной пресвитерии в Эдинбурге в 1743 году, перечислили в качестве тяжкого проступка отмену уголовных законов "вопреки ясно выраженным законам Божиим!" И хотя в отдаленных районах эта вера еще может сохраняться в умах невежд, сейчас она, как и вера в призраков, алхимию или второе зрение, имеет лишь ту смутную власть над воображением, которая позволяет поэтам и писателям приспособить ее для целей художественной литературы и тем самым указать на мораль или украсить рассказ. И, по правде говоря, из рассмотрения истории этого заблуждения можно извлечь немаловажную мораль, а именно: опасность поощрения тех восторженных представлений о возможности прямого духовного воздействия, которые в той или иной форме, даже в наши дни, преследуют мозг слабых и самонадеянных людей. Ведь в основе преследований ведьм лежит тот же принцип, который проявляется в квиетизме Буриньона, грезах мадам Гюйон, восторгах сестры Рождественской, пророчествах Нейлора, снах доктора Ди или Сведенборга. Ди или перспективы Нового Иерусалима Сведенборга; все это не что иное, как эманация того духа гордыни, который, отказываясь быть "лишь немного ниже ангелов", утверждает свое непосредственное общение и равенство с ними, и который, в зависимости от нрава пациента, питает его великолепными видениями квиетизма или гонит его, как яростного малайца, по пути преследования. Некоторые утверждают, что в нашем девятнадцатом веке нет энтузиазма. Напротив, у нас его слишком много: ни в один период энтузиазм худшего рода не был так распространен, как в этот; свидетели самозванства Сауткотта и Гогенлоэ и тысячи фантазий, которые ежедневно проходят свой краткий курс популярности. Ни в какое время не было так широко распространено то каление мозга, которое, как раньше превращало каждое естественное явление в действительное действие дьявола, так теперь превращает каждого лидера мелкого кружка в святого и наделяет его одеждой и достоинством апостола. Ежедневно под влиянием этого принципа практические и активные обязанности жизни все больше игнорируются; милосердие, не думающее зла о других, с каждым днем становится более редким; поток благожелательности, который в былые времена глубоко и бесшумно проникал через притоны бедности и болезни дома, теперь лишь скудно компенсируется тем, что время от времени выбрасывается в несколько помпезных и бесполезных струй на общественные подписки для отдаленных объектов; В то время как даже у тех, чей разум не осквернен грубыми пороками, к которым приводит энтузиазм, жизнь проходит в тщетных и иллюзорных мечтах о самодовольном превосходстве, которые, поскольку они основаны только на гордости и конституционной восприимчивости, редко выдерживают, когда возраст и немощь расшатывают или удаляют материалы, из которых они были выращены. Так, энтузиаст, подобно Мирзе, в течение долгого дня созерцает Елисейские острова, лежащие за заливом, и уже ходит в воображаемом общении с их миртовыми обитателями, несмотря на все свои усилия, чувствует, что с наступлением вечера фантазмагория становится все тусклее и тусклее; Мост, острова, гений, стоявший рядом с ними, исчезают, и наконец для него не остается ничего, кроме его собственной длинной пологой долины Багдада с пасущимися по ее сторонам волами, овцами и верблюдами; -этот трезвый, усталый, рабочий мир, короче говоря, со всеми его заботами и обязанностями, в котором, если бы он мудро выполнял цель, ради которой был послан в него, он должен был бы трудиться дальше с благотворной

активностью, а не праздно мечтать на обочине о том Эдеме, к которому он привязан; И так он пробуждается к сознанию своего истинного призвания в жизни, когда он уже готов покинуть ее, и понимает ценность и первостепенную необходимость усилий, только когда молодость, с ее возможностями и энергией, остается позади него навсегда, как тень мечты.

Работа церковного советника Хорста и обзор ее основного содержания оставляют, однако, незамеченным по крайней мере одно полушарие темы магии, теургии и некромантии. Эти искусства, или, по крайней мере, народная вера в них, гораздо более древние, чем любая из форм христианства, и были, по сути, самым неудачным наследством, завещанным язычеством вытеснившим его вероисповеданиям. Нет нужды рассказывать читателю, как твердо древние верили во все сверхъестественные влияния: насколько густо, в их представлениях, были распространены стихии с предзнаменованиями, знаками и чудесами; насколько ничтожным и необоснованным было их легкое верие; и как зависела их общественная и домашняя жизнь от экзорцизма священника и науки авгура. Канидии и Эрихты древности не были просто творениями поэтов; самые трезвые и скептически настроенные историки не преминут сообщить, что в доме умирающего Германика были найдены обгоревшие кости и отрезанные конечности мертвых тел; а самые философские из римских поэтов с благодушной серьезностью повествуют о чарах, с помощью которых можно вызвать мертвых или вернуть неверного любовника к оставленной им любовнице. Вера в ведьм и сверхъестественные силы не угасла и не угасла вместе с неверием в государственную религию, которым были отмечены последние века Римской империи. Напротив, в то время как скептицизм усиливался в одном направлении, легкое верие и крайнее суеверие росли и преобладали в другом. Эти недуги разума ни в коем случае не были присущи только вульгарным или светским людям. Поздние платоники были глубоко заражены болезнью суеверия, и в истории человеческой непоследовательности найдется немного более любопытных глав, чем жизнь многих философов, которые утверждали, что Бога не существует, и дрожали, если им перебежал дорогу заяц, при зловещем полете ворон или при внезапной встрече с бельдамой или чернобуркой в серой утренней мгле.

Магическое искусство древних, особенно в период упадка Пагандома, действительно имело чрезвычайно мрачный и отвратительный оттенок. Не обращая внимания на мудрую и благоговейную терпимость поэта "Энеиды", он сказал

"Грех не может быть естественным для всех частей тела.
Frigidus obstiterit circum præcordia sanguis".

древние чародеи заглядывали или пытались заглянуть в самые "incunabula vitæ". Если бы нам удалось найти несколько книг, которые сожгли колдуны в Коринфе, и принести их стоимости Святому Павлу, мы, вероятно, обнаружили бы на их страницах, среди некоторых любопытных физических или медицинских секретов, почти все элементы жестокого и непристойного суеверия.

Рим, как мы знаем, был рано и глубоко заражен оргиастическими культами Востока, и особенно нечистыми церемониями жрецов Изиды. Сравнивать с землей часовни исихастов и изгнать их служителей было бесполезно. В эпоху неверия существовала страсть к таинствам тьмы; и хотя христианство постепенно вытеснило язычество по форме, дух последнего еще долго сохранялся в народе, особенно среди невежественного сельского населения. Джеймс Гримм в своем эрудированном труде "Древности германской расы" с большой точностью

прослеживает связь между суевериями Темных веков и магическими формулами язычества. Заклинания ведьм, абракадабра шарлатанов и отвратительная мебель лаборатории Сидрофеля являются подлинными потомками самозванства и мерзостей, которые испокон веков практиковались как в Римской, так и в Парфянской империи.

У Лукиана и Апулея перед нами действительно предстает необычный и ужасный аспект социального существования. Считалось, что на самые обычные действия и функции жизни влияют невидимые силы, и предполагалось, что эти силы готовы служить всем, кто достаточно злонамерен, чтобы искать их помощи, и достаточно бесстрашен, чтобы пройти требуемое от них ученичество. Легко осудить слабость и обнаружить абсурдность такого вероучения. И все же в него верили: оно возбуждало ужас: оно питало месть: оно оказывало иссушающее и истощающее воздействие на слабых и легковверных: оно бросало мрачную тень на жизнь: оно действовало на сухожилия сильных и на цветение прекрасных: оно осуществляло "на сокровенный разум" все "свои свирепые происшествия" и охотилось на чистейших духов,

"Как и на внутренностях, суставах и конечностях,
С такими же болями, но более сильными".

Напрасно считать такую веру поверхностным или индивидуальным суеверием. Она пронизывала все слои общества, от философа, спорившего о первопричине, и магистрата, рассматривавшего религию в свете полезной полицейской системы, до пастуха, наблюдавшего за Орионом и Плеядами, и шахтера, редко видевшего солнце или звезду. Это была ошибочная, но искренняя вера, которая побуждала людей советоваться с прорицателями и спрашивать у стихий о знамениях и чудесах.

Воспользовавшись прекрасным переводом сэра Джорджа Хеда, мы извлекаем из "Золотого осла" Апулея историю, которая, по нашим представлениям, не превзойдена по своему ужасу ни одной из самых мрачных легенд языческого или средневекового колдовства.

"Мой хозяин, пекарь, был воспитанным и довольно добрым человеком, но его жена, из всех женщин мира, была самым злобным существом на свете и постоянно превращала его дом в такую мучительную сцену несчастья для него, что, клянусь Геркулесом, много раз я молча сожалел о его судьбе. Сердце этой отвратительнейшей женщины было похоже на общий бассейн, где собраны все дурные наклонности нашей натуры. Она была жестока, вероломна, злопамятна, упряма, скуповата, но при этом изобиловала расточительными тратами, неверна мужу, обманщица и пьяница. Однажды я услышал, что булочник подал на развод своей ужасной помощницы, и эта информация в свое время оказалась правдой. Раздраженная возбужденным против нее делом, она связалась с некой женщиной, которая пользовалась репутацией ведьмы, а ее заклинания и заговоры имели неограниченную силу. Умиротворив эту женщину подарками и настоятельными мольбами, она просила ее об одном из двух: либо смягчить сердце ее мужа, чтобы он мог примириться с ней, либо, если это невозможно, послать призрак или какого-нибудь злого духа, чтобы он умер насильственной смертью. В первом случае колдунья потерпела полный провал, и тогда она принялась подстраивать смерть моего несчастного хозяина. Чтобы осуществить свою цель, она подняла из могилы тень убитой женщины. И вот однажды, около полудня, в пекарню вошла полураздетая босая женщина в траурной мантии, наброшенной на плечи, бледные черты ее лица были отмечены выражением опустившейся вины, всклокоченные волосы осыпаны пеплом, а передние локоны струились по лицу. Неожиданно подойдя к булочнику и нежно взяв его за руку, она отвела его в сторону и повела в соседнюю комнату, словно хотела сообщить что-то важное. После того как пекарь ушел, и прошло немало времени, пока он не

вернулся, слуги подошли к двери его покоев и очень громко постучали, а после молчания позвали несколько раз, причем стучали еще сильнее, чем прежде. Тогда они увидели, что дверь тщательно заперта на засов, и, решив, что произошло какое-то серьезное несчастье, изо всех сил надавили на нее и, с силой сорвав петлю или выбив ее из гнезда, ворвались внутрь. Как только они оказались внутри камеры, то увидели, что пекарь висит совершенно мертвый на одной из балок потолка, а женщина, которая его сопровождала, исчезла, и ее нигде не было видно".

Вызывание мертвых для уничтожения живых, война трупа с живым солдатом, а затем внезапное увольнение призрака в могилу, когда его роковое поручение было выполнено, представляет собой кульминацию ужасов, аналогов которым мы не знаем, где найти - в истории или в художественной литературе.

Lex Majestatis, или закон о государственной измене, был одним из самых эффективных и страшных орудий, которые имперская конституция Рима передала в руки своих военных деспотов. Против одного преступления часто использовался этот двуручный и неуязвимый механизм, а именно против преступления или обвинения в выяснении вероятной продолжительности жизни императора. Это делалось различными способами: с помощью огня, приложенного к восковым изображениям, с помощью консультаций со звездами, с помощью нативов, с помощью пророков, с помощью случайных предзнаменований, но особенно с помощью определенных перестановок и комбинаций чисел, "numeros Babylonios", или букв алфавита. Следующий отрывок из Аммиана Марцеллина представляет собой пример этого предательского святотатства, практика или подозрение в котором, в стольких случаях, приводили к изгнанию "математиков" из Италии. Действительно, римляне, будучи глубоко невежественными в науке или считая ее искусством греческих авантюристов или египетских жрецов, ни один из которых не был в хороших отношениях с правительством в любой период, дали нынешним самозванцам тех дней прозвище, которое кембриджские перепалки сейчас приравнивают к патенту на знатность.

Следующая история, похоже, была по сути показаниями, взятыми в константинопольских магистратах и полученными от свидетелей или обвиняемых с помощью пыток. Главного свидетеля, как говорят, довели "ad summas angustias" - почти до последнего вздоха, прежде чем он признался.

"Этот злосчастный стол, - сказал он, - который сейчас представлен в суде, мы составили из лавровых ветвей, по примеру того, что стоит перед занавесом в Дельфах. Страшны были покровительства, ужасны чары, долги и мучительны танцы, которые предшествовали и сопровождали его сооружение и освящение. И как только мы обращались к этому диску или таблице, то поступали следующим образом. Его ставили посреди комнаты, которая была предварительно хорошо очищена дымом арабских благовоний и фимиама. На стол ставили круглое блюдо, сваренное из разных металлов. На ободе блюда были выгравированы двадцать четыре буквы алфавита, отделенные друг от друга равными и точно отмеренными промежутками. Рядом со столом стоял некий человек, одетый в льняную одежду, на ногах у него были льняные баскины или сапоги, а вокруг головы повязан платок. В одной руке он размахивал веточкой вербены, этой благодатной травы; он произносил положенные стихи, такие, какие принято петь перед аверрунскими богами, Тот, кто стоял у стола, не был обычным магом. Другой рукой он держал и тряс кольцо, прикрепленное к занавескам, сплетенным из тончайших карпатских нитей, которые раньше часто использовались для подобных мистических заклинаний. Кольцо, которое он тряс, то и дело падало между буквами, и, ударяя по буквам, образовывало слова, которые колдун соединял в число и меру, совсем как жрецы, управляющие оракулами пифийского и бранхидского Аполлона. Затем,

когда мы спросили, кто, возможно, станет преемником царствующего императора, яркое и гладкое кольцо, прыгая среди букв, соединило Т, Н, Е, О, а затем и конечную S, так что один из зрителей сразу же воскликнул, что THEO[DORU]S - это император, назначенный судьбой. Мы больше не задавали вопросов, видя, что Теодорус и есть тот человек, которого мы искали".

Затянувшаяся вера в старую религию и в магические и тауматургические практики, которые, как плющ вокруг дуба, постепенно прирастали к ней, породила в период упадка язычества множество поэтических форм суеверия. Любопытно и поучительно отметить, с какой все большей серьезностью разлагающееся вероучение язычества пыталось защититься от посягательств христианства. Легкая *настойчивость*, с которой философия эпохи Августа относилась к государственной религии, почти исчезает. Равнодушие магистрата сменяется нетерпимым и возмущенным тоном мелиорации. Языческие цари нападают на новую религию как на грозного антагониста; христианские императоры, в свою очередь, прямо или настойчиво искореняют суеверия, сохранившиеся в сельских городах и районах. Древние боги уже не рассматриваются ни их поклонниками, ни их противниками как просто обожествленные герои или люди, но как могущественные и таинственные существа, наделенные демонической энергией и способные даровать временное добро или зло, - красоту, власть и богатство, с одной стороны; уродство, бесчестие и болезни, с другой, - тем, кто их почитает или отвергает. Такие представления о благословении или гибели воплощались в странных рассказах о плачущих или ликующих процессиях величественных форм, когда луна скрывалась в своей пустой межлунной пещере, о демонах, принимавших облик прекрасных чаровниц, которые завлекали людей на погибель, о дворцах, возведенных за ночь и разрушенных за день, о банкетах, подобных тому визионерскому пиру в пустыне, который Мильтон украсил всеми прелестями воображения в своем "Потерянном рае".

Мы можем уделить место только двум рассказам о влиянии демонов, в которых поздние язычники выражали свою веру во влияние ранних богов.

1. Суеверие ламий. Одним из результатов объединения Западной Азии с Европой под властью Римской империи стало широкое распространение на последнем континенте зародышей змеепоклонничества Востока. Тончайший зверь поля, сохранивший в полной силе способность принимать соблазнительные формы и произносить заманчивые слова, был склонен, похоже, развлекаться среди сыновей и дочерей человеческих под видом, в котором он обманул нашу общую мать, чрезмерно любопытную Еву. Особенно он любил заманивать в ловушку подающих надежды юношей, изучающих философию в афинских или бериттских школах, или неопитов в христианской церкви. В Коринфе некий молодой джентльмен отправился на увеселительную экскурсию и, возможно, возвращался домой немного похудевшим от вина. Как бы то ни было, у ворот Коринфа он встретил девицу, богато одетую, "прекрасную чрезвычайно", но с растрепанными волосами и залитую слезами. Он начал с расспросов о причине ее беды. Недобросовестные слуги унесли ее вещи и оставили ее одну. Он предложил ей утешение, которое она приняла, а также свою руку, от которой она не отказалась. Она привела его к роскошному дворцу на одной из улочек города, где он еще никогда не бывал. У мраморного портика толпились рабыни с факелами, ожидавшие свою отсутствующую госпожу, и пару, уже успевшую полюбить друг друга, провели в роскошный пиршественный зал, где был накрыт стол со всеми деликатесами сезона и украшен блестящими блюдами. В этом дворце наслаждений юноша пробыл много дней, не считаясь со временем. Но в конце концов, пресытившись сладостями, он предложил пригласить на пир своих друзей по колледжу, к ужасу своей прекрасной хозяйки, которая со слезами и объятиями убеждала его отказаться от своего желания. Однако в злой час он упорствовал, и

его комнаты наполнились матронами, которые не без зависти дивились удаче, постигшей их друга Луция, никто не знал, как и почему. А среди студентов появился седовласый наставник колледжа, глубоко начитанный в книгах по фокусничеству и умевший распознать дьявола под любой личиной. Бледный и молчаливый, старик сидел за праздничным столом и был достаточно невоспитан, чтобы лишить даму не только лица, но и красоты. Она побледнела, посинела, приобрела беспорядочный вид: растаяла; растаял и дворец; исчезли блюда, яства и вина; на месте колонн и крыш осталась пустая площадь Коринфа, а на месте девицы - отвратительная змея, корчащаяся в муках распада. Белобородый парень прочесал, обшарил и убил змею - Ламию, но погубил и своего пациента, ибо Луций превратился в маньяка; если бы чары продержались еще немного, его душа стала бы собственностью изверга.

2. Один молодой человек сильно обидел великую богиню Венеру, или, как ее называли в его родном городе, сирийском Библе, Астарту. Чтобы избавиться от проклятия, наложенного на его дом и постель, - ведь он недавно женился на прекрасной жене, - он обратился к мудрому астрологу. Мудрец выслушал его дело и посоветовал ему в качестве единственного лекарства отправиться в определенную ночь, в самый полдень, к месту за воротами, называемому Гробницей язычника, расположиться на ее крыше и в установленный момент произносить определенные формулы, которыми снабдил его советник, сведущий в магическом праве. В гробнице язычника юноша расположился в полдень ночи и стал ждать своего избавления. И вот, ближе к утру, послышались звуки печальной и торжественной музыки, многоголосые причитания и мерный шаг длинной процессии. И приближалась скорбная компания людей, которые могли бы показаться мужчинами и женщинами, если бы не их необычайный рост, а также их непревзойденное величие и красота; и юноша вспомнил слова мага и понял, что перед ним - многочисленная компания богов, которым поклонялись его предки в прошлых поколениях. Только один из этой величественной и плачущей группы был запряжен в колесницу - бог Сатурн, возможно, по причине своего преклонного возраста; к Сатурну он и обратился со своей молитвой, которая была настолько действенной, что Сатурн тут же повелел Астарте освободить просителя от проклятия, которое она наложила на него.

Мы смогли лишь показать, насколько широка область, лежащая за пределами средневекового колдовства. Было бы любопытно проследить сходство языческих и христианских суеверий, или, скорее, выведение одного из них из другого. Но мы должны оставить эту тему для другого случая, и в заключение повторить пожелание, с которого мы начали, чтобы какая-нибудь компетентная рука взялась проследить все разветвления неясной, но приносящей удовлетворение темы магии и колдовства.

КОНЕЦ.

ДЖОН ЭДВАРД ТЕЙЛОР, ПЕЧАТНИК,
МАЛЕНЬКАЯ КУИН-СТРИТ, ЛИНКОЛЬНС-ИНН-ФИЛДС.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Напечатана четким и разборчивым шрифтом, специально адаптирована для удобства железнодорожных путешественников.

"TELLUS IN LONGAS EST PATEFACTA VIAS." - Тибулл.

Представляя вниманию публики новую серию железнодорожной литературы, издатели хотят вкратце объяснить, какой курс они намерены выбрать.

Приведенное выше название "Чтение для путешественников" может в достаточной мере выразить основную цель. Однако, исходя из этого, не следует полагать, что серия, которую она обозначает, будет приспособлена только для путешественников или предназначена лишь для того, чтобы скоротать свободный час, уменьшив утомительность железнодорожного путешествия. Напротив, издатели хотели бы представить произведения, имеющие постоянную ценность, а не просто эфемерную привлекательность, дающие знания и одновременно служащие развлечением.

Серия будет состоять из оригинальных произведений на темы, представляющие новизну и интерес, а также переизданий других, чьи достоинства могли быть затушеваны временем или пренебрежением, или которые, в силу обстоятельств, не получили должной доли общественного внимания. Также частью настоящего плана является воспроизведение в несколько измененном виде эссе и рецензий, которые время от времени появлялись в лучшей периодической литературе современности, доступной издателям - ценность которых может оправдать их переиздание и в то же время способствовать достижению главной цели этого предприятия.

Поэтому, не полагаясь на самонадеянность, издатели с уверенностью надеются выпустить серию произведений такого высокого литературного мастерства, разнообразия и интереса, отредактированных со скрупулезной тщательностью и корректностью, которые заслужат и получат общественное признание.

Как правило, объем печати в каждом томе будет составлять около ста страниц, а *цена - один шиллинг*; но если материал не может быть вписан в это пространство, будут выпущены увеличенные тома по соразмерной цене. Серия будет напечатана единообразно, четким и разборчивым шрифтом, и так расположена, чтобы в переплете образовать красивые тома для библиотеки. В то же время каждое произведение будет законченным само по себе.

CHAPMAN AND HALL, 193, PICCADILLY.

ПРОДАЕТСЯ НА ВСЕХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТАНЦИЯХ.

Сноски:

[1] Со времени написания этих строк была опубликована книга сэра Вальтера Скотта "Демонология и колдовство", изобилующая интересными историческими заметками.

[2] Фаустус, который является своего рода Делом в inferнальных делах, написал на эту тему трактат под названием "Mirakel- Kunst- und Wunder-Buch, oder der schwartze Rabe, auch der dreifache Höllen Zwang genannt", в котором рассматривается политическая система владений Люцифера. Дионисий Ареопагит действительно не более точен в своем календаре небесной иерархии. Возможно, эти трактаты являются общими родителями современных "Синих книг".

[3] В "Открытии колдовства" Реджинальда Скотта содержится список армии или список inferнальных сил. Так, герцог Амазерот, который представляется чем-то вроде бригадного генерала, командует шестьюдесятью легионами и т. д.

[4] Сатана - всего лишь третьесортный дух, в чем можно убедиться, ознакомившись со списком Тайного совета inferналов за 1669 год, содержащимся в "Черном вороне" Фауста. Но нам не сообщается точная дата его лишения первенства. Примечательно, что и в книге Иова, где он упоминается впервые, и у скандинавских мифологов он предстает в схожем образе - "Смотрителя" или "Бродячего духа Тартара". См. Whiter, Etymologicon, vol. iii., в этой очень известной, хотя и забытой сейчас работе, много дьявольской эрудиции.

[5] Auswahl aus des Teufels Papieren. Однако, подобно Катону Цензору, Люцифер мог взяться за учебу в конце жизни.

[6] Lotichius, Oratorio super fatalibus hoc tempore Academiarum periculis: 1631. Лотихий взял на себя труд сочинить латинскую поэму на тему своего триумфального въезда. Книга под названием "Мамона" имела определенную известность в свое время. Имя признанного автора - Харрис; однако какой-нибудь комментатор 2150 года, возможно, предположит, что это была "Маммона старого Гарри". Мы видели и худшие "предположительные изменения".

[7] Colloquia Mensalia.

[8] Legenda Aurea Jacob. de Voragine, leg. 123.

[9] Ibid. leg. 21.

[10] Или даже епископ. См. язвительную и доходчивую историю Саути "Элемон, или Спасенный грешник".

[11] В случае со святым Лидвином, когда он лично излагал свое дело и считал его ясным, его справедливо высмеяли из суда, "deriso explosoque Dæmone". (Brugmann, Vita Lydvinæ, p. 290.) Еще более изобретательно его мистифицировал Нострадамус, который, договорившись, что дьявол получит его, если он будет похоронен в церкви или за ее пределами, оставил указания, что его следует похоронить в отверстии в стене. Иногда, однако, он оказывался в выигрыше в таких двусмысленных соглашениях, как, например, в случае с монахом, который должен был жить до тех пор, пока воздерживался от сна между простынями. Монах всегда спал в кресле; но в злополучный час Сатана застал его с головой между простынями проповеди и потребовал свою долю.

[12] Inferno, канто vi.

[13] Судебные процессы в Аррасе в 1459 году. См. Хронику Монстреле, т. iii. стр. 84: Париж, 1572. Но это были скорее религиозные преследования предполагаемых еретиков, а преступление колдовства было введено только как отягчающее их преступления.

[14] Кристоф фон Ранцов, голштинский дворянин, сжег сразу восемнадцать в *одном* из своих поместий.

[15] Некоторые из наших читателей, возможно, захотят увидеть образец этого драгоценного произведения. Мы возьмем пару строф, описывающих шутку, жертвой которой стала бедная ведьма.

Ein Hexen hat man gefangen, zu Zeit die war sehr reich
Mit der man lang umgaben ehe sie bekannte gleich,
Dann sie blieb darauf beständig es gescheh ihr Unrecht gross,
Bis man ihr macht nothwendig *diesen artlichen Poss(!)*,

Das ich mich drüber wunder; man schickt ein Henkersknecht
Zu ihr ins Gefängniss 'nunter, den man hat kleidet recht
Mit einer Bärnhaut als wenns der Teufel wär;
Als ihm die Drut anschaute meynts ihr Buhl kam daher.

Sie sprach zu ihm behende, wie lestu mich so lang
In der Obrigkeit Hände? Hilf mir aus ihren Zwang,
Как ты меня понимаешь, я ведь тоже человек;
Thu mich aus der Angst entreissen, o liebster Bule mein!

Sie thet sich selbst verrathen, und gab Anzeigung viel
Sie hat nit geschmeckt den Braten, *was das war für ein Spiel(!)*.
Er tröstet sie und saget, ich will dir helfen wohl;
Darum sey unverzaget, Morgens geschehen soll.

На ней стоит колофон "Напечатано в Шмалькальде в 1627 году".

[16] Когда эти ужасы были таким образом описаны в стихах, не удивительно, что они были "улучшены" проповедниками того времени. В Риге в 1626 году появились "Девять избранных проповедей о ведьмах, написанные Германом Сампсонием, суперинтендантом в Риге", и многие другие в течение того же столетия.

[17] Уголовное право. Тит. х.

[18] Записи судебных заседаний. Суд над магистром Оркнея.

[19] Журнал Калефа.

[20] Cobbett's State Trials.

[21] Суд над Барти Патерсоном. Записи шотландской юстиции. 18 декабря 1607 года.

[22] В деле Уэнхема мистер Чонси заявил, что кошка, принадлежавшая Джейн Уэнхем, приходила к нему ночью и *стучалась* в дверь, и что он убил ее. Это было основано на показаниях, данных на суде.

[23] Rec. of Just. 1613, Dec. 1.

[24] Рассказ об этих удивительных явлениях см. в "Новой немецкой некрологии", 1823 г.

[25] Divina et Vera Metaphysica.

[26] Wordsworth's 'Dion.'

[27] Приставочные символы, которые, по мнению Ашмола, означают *Responsum Raphaelis*, удивительно похожи на кабалистический инициал, который в медицинских рецептах обычно трактуется как "Рецепт".

[28] Даппер (*Beschreibung von Amsterdam*, p. 150) описывает ее как меланхоличную или ипохондричную девушку. Однако она была сожжена, как обычно. Эти рифмованные или аллитерационные чары имеют очень отдаленную древность. Катон в своем трактате "О земледелии" рекомендует следующий рецепт для лечения вывиха или перелома: "Huat Hanat, Huat Ista, Pista Sista, Domiabo Damnaustra" или "Motas Væta, Daries Dardaries, Astataries Dissunapiter".

[29] Это, действительно, почти неизменная черта в процессах над ведьмами, и, если бы тема могла оправдать обсуждение, она могла бы привести к некоторым необычным медицинским выводам.

[30] Профессия "колющего", как его называли, *то есть* человека, который втыкал булавки в плоть ведьмы, была обычной в Шотландии и Англии, а также на континенте. Сэр Джордж Маккензи упоминает случай, когда одна из них призналась в самозванстве (стр. 48); похожий случай приводит Споттисвуд (стр. 448). Сэр Вальтер Скотт дает следующий рассказ об этом ремесле: "Один из известных способов обнаружения ведьм и одновременно их пыток, чтобы добиться признания, заключался в том, что в их тело втыкали булавки под предлогом обнаружения дьявольского клейма, или метки, которая, как говорили, наносилась им всем его вассалам и была нечувствительна к боли. Этот вид поиска, практика печально известного Хопкинса, был в Шотландии превращен в ремесло; и молодому охотнику за ведьмами разрешалось пытать обвиняемую сторону, как бы выполняя законное призвание, хотя сэр Джордж Маккензи клеймит его как ужасное самозванство. В "Коллекциях мистера Питкэрна" я заметил, что в Питкэрна, что во время суда над Джанет Пистон из Далкейта магистраты и служители этого рыночного города заставили Джона Кинкейда из Транента, обычного колющего, применить к ней свое ремесло, "который нашел две отметины, которые он назвал дьявольскими, и которые действительно были таковыми, поскольку она не чувствовала булавку, когда ее вводили в одну из указанных отметок, и они (отметины) не кровоточили, когда их снова вынимали; А когда ее спросили, куда, по ее мнению, были вставлены булавки, она указала на часть своего тела, удаленную от настоящего места. Это были булавки длиной в три дюйма". Помимо того, что на лицах стариков, особенно старых, иногда встречаются места, лишенные чувствительности, есть основания полагать, что исповедующие укол использовали булавку, острое или нижняя часть которой при надавливании вставлялась в верхнюю, полую для этой цели, и та, которая, казалось, входила в тело, вовсе не протыкала его" - *Demonology and Witchcraft*, p. 297.

[31] Петр умер в тюрьме как раз вовремя, чтобы избежать пламени. Однако после смерти его сожгли в чучеле.

[32] Линдон, цитируется по Wyttenbach, "Versuch einer Geschichte von Trier", vol. iii. p. 110.

[33] *Beyträge zur Beförderung einer nähern Einsicht in das gesammte Geisterreich*, vol. i. p. 284.

[34] Аббат Фьяр, один из самых поздних верующих, напечатал Реквет во всей полноте в своих "Письмах о магии", стр. 117 и далее.

[35] Даже сейчас к мировым судьям иногда обращаются невежественные или очень злобные люди с жалобой на то, что их "околдовали".

[36] Судебные процессы и другие разбирательства по уголовным делам в Высоком суде юстиции Шотландии, выбранные из записей этого суда. Роберт Питкэрн. Edinburgh.

[37] Holingshed, vol. i. pp. 50, 317.

[38] Во время второго брака Александра III, Fordun, vol. ii. p. 128. Воесе, p. 294, ed. 1574.

[39] Воесе, p. 149.

[40] В деле Камерона, епископа Глазго, 1466 г. - Buchanan. Pitscottie.

[41]

"Quell' altro, che nei fianchi è così poco,
Michele Scotto fu, che veramente
Delle magiche frode seppe il giuoco."-Canto xx.

[42] Как в случае с ведьмами в Форресе, которые пытались уничтожить короля Даффуса с помощью излюбленного языческого талисмана - запекания его изображения в воске, и теми, кого сожгли в Эдинбурге за аналогичную попытку против Якова III в 1479 году.

[43] Scot of Scotstarvet, Home of Godscroft, *passim*.

[44] Nov. 8, 1576. Pitcairn, vol. i. p. 48.

[45] Ibid. p. 51.

[46] Rec. of Just. May 27, 1601.

[47] Новости из Шотландии, объявляющие о проклятой жизни доктора Фиана - Pitcairn, vol. i. p. 213.

[48] Нам нет нужды напоминать нашим читателям о пытках Макбриара в Тайном совете, описанных в "Рассказах моего лендлорда".

[49] Старофранцузское, *Turquois*, клещи кузнеца, от *torquere*.

[50] Sir James Melville, p. 294.

[51] Pitcairn, vol. i. p. 211.

[52] Crook - крюк, на который подвешивают кастрюли над огнем на шотландской кухне.

[53] Just. Records, 1590-1610.

[54] Большинство приведенных здесь дел содержатся в судебной документации примерно с 1605 по 1640 год.

[55] Feb. 4, 1629.

[56] Just. Records, Jan. 1630.

[57] Just. Rec., Dec. 1643.

[58] Бумага помечена на обороте: "Эдинбург, 10 июля 1662 года: рассмотрено и признано соответствующим требованиям Депутата юстиции". Часть показаний Джанет Брейдхед, на которой, судя по всему, была аналогичная пометка Департамента юстиции, оторвана.

[59] Ее подруга-ведьма, Брейдхед, была крещена весьма неподходящим именем *Кристиан*.

[60] Похоже, это было обычной практикой в инфернальном ритуале. Лоу приводит прозвища ведьм из Ренфрушира в деле Бангаррана. (Memorials, p. 122.)

[61] Принимать облик страшных и зловещих птиц было излюбленной практикой ведьм во все века. Апулей в своем персонаже Луции так описывает метаморфозу своей хозяйки в Лариссе: - "Памфила развратилась и превратилась в птицу.

"Памфила сняла с себя все одежды и, открыв шкаф, достала из него несколько ящиков. Из одной из них она выбрала мазь, помазала себя с головы до ног и, что-то бормоча, принялась раскачиваться на месте. Вскоре ее конечности покрылись мягким пухом, а из плеч выросла пара крыльев: нос стал клювом, а ногти - когтями. Теперь Памфила была полностью похожа на сову. Затем, издав низкий крик, она начала прыгать с пола, а через некоторое время вылетела в окно и исчезла. По заверениям Фотиса, она улетела на крыльях к какому-то ожидающему ее любовнику. И это был последний раз, когда я видел старуху".

[62] Just. Записи. Jan. 27, 1662.

[63] Том I. Решения, с. 14.

